

*Ridi Pagliaccio,
Sul tuo amore infranto,
Ridi del duol
Che t'avvelena il cor!*

*Смейся, паяц,
Над разбитой любовью,
Смейся и плачь!*

Леонкавалло. Паяцы

*Everyone lies, nobody minds
Everyone lies.
Where is the man you respect?
And where is the woman you love?*

Morrissey. Glamorous Glue

ЛЕНА

*Гудбай, Америка,
Где я не буду никогда.
Услышу ли песню,
которую запомню навсегда?*

Наутилус Помпилиус. Гудбай, Америка

— И ты уже все решил для себя?

— Да. Absolutely... абсолютно.

— И когда ты собираешься уехать в Штаты?

— Еще пару лет, honey. Получу пост head of purchasing, осуществлю some investments, и все. Быстро делать карьеру и состояние можно только в России, you know... а делать investments и жить я хочу в America...

— Наверное, ты прав. — Она отпивает из бокала вино. — Скорее всего, прав. Мать русская, отец американец. Ты думаешь по-английски, а говоришь по-русски. И еще у тебя такой приятный акцент... — Она дотрагивается до моего запястья кончиками пальцев. — Тебе тяжело здесь?

— You know... — Я согласно киваю, поднимаю бокал на уровень глаз и смотрю сквозь него на пламя свечи. — Смотря как себя позиционировать. Иногда я чувствую, что застрял где-то in between, понимаешь? Между Америкой и Россией. Как-то сложно все, понимаешь?

На Лене черный костюм в тонкую фиолетовую полоску от... не знаю от кого. Выглядит как Patrick Hellmann, но, по моим прикидкам, Лена не зарабатывает на Patrick

Hellmann. Под пиджаком белая рубашка, расстегнутая до середины груди так, чтобы было видно красный бюстгалтер. Она часто надевает на наши свидания красное белье. Это знак страсти или свидетельство того, что в детстве она смотрела слишком много дешевой эротики типа «Дикой орхидеи»? Скорее всего второе. Практически все девушки в России смотрели «Дикую орхидею», иначе как объяснить выбор столь пошлого названия для крупнейшей сети магазинов, торгующих нижним бельем и купальниками? Представляете? Большая часть женского населения страны в возрасте от 25 до 40 лет думает, что настоящая страсть — это плохо снятая сцена с Кари Отис, которая фальшиво играет распаленную девственницу с воткнутым в волосы цветком. Впрочем, грудь у Лены натурального третьего размера. И это компенсирует ее детские кинопредпочтения.

На ее левой руке широкий, сплетенный из серебряной сетки браслет от Tiffany, который я подарил ей на Восьмое марта. Периодически она приподнимает руку, заставляя браслет съезжать вниз. Лена сидит нога на ногу, и я уверен, что в этот момент она качает правой ногой с наполовину снятой туфлей Ferragamo. Ближе к концу ужина она ее сбросит и примется засовывать свою ступню мне под брюки. Не потому, что ей это действительно нравится, а потому, что героиня «Дикой орхидеи» делала так же. Или «Основного инстинкта»... Впрочем, какая разница?

Выглядит она на двадцать восемь, всем говорит, что ей двадцать семь, а на самом деле ей уже полгода как тридцать. Два раза в неделю Лена посещает фитнес «Петровка-спорт» (там нет бассейна, зато у нее корпоративный абонемент), три месяца врет всем, что собирается заняться йогой с личным тренером, раз в месяц (иногда реже) красит волосы и стрижется в Jacques Dessange (о существовании Tony&Guy она пока не знает), предпочитает фотозпиляцию bikini-line лазерной, время от времени запаздывает с восковой эпиляцией ног и носит гелевые ногти (предпочитая яркие цвета), тогда как мне больше нравится французский

маникюр. Лена не посещает ночные клубы (цвет лица), не курит (цвет лица) и частенько противодействует попаданию спермы на лицо (казалось бы!). Пьет исключительно вино (в ее холодильнике я как-то видел и пиво), раз в два месяца сидит на диете по кому-то там. Предпочитает рестораны японской или итальянской кухни, скорее из-за социального статуса, нежели из-за вкуса.

Полгода назад она сделала первый взнос на новую квартиру (судя по плану, уродливый монолит в районе Бауманской, 120 квадратов и «нулевой цикл»). Ее нынешняя квартира в Перове обставлена в соответствии с правилами фэншуй в псевдокитайском стиле (IKEA, разбавленная дорогими светильниками и аксессуарами, привезенными из загранкомандировок). Она утверждает, что помешана на минималистском дизайне, что, скорее всего, красивая выдумка (пару раз я видел в ее спальном шкафу плюшевых зайцев и мохнатую розовую подушку). Лена не замужем и не обременена детьми, потому что последние пять лет сосредоточена на карьере аудитора то ли в PriceWaterHouse, то ли в Deloyt, или где-то еще — никак не могу запомнить. Она стремится выглядеть как настоящая европейская бизнесвумен, оплачивая свою часть ресторанного счета золотой AmEx. В тридцать лет она занимает пост заместителя начальника департамента и, должно быть, получает около четырех тысяч долларов в месяц. Ее речь изобилует англицизмами. Например — «это слишком overestimated проблема», говорит она подруге, оплакивающей убежавшего любовника. Ездит Лена на шестой Mazda, взятой в кредит. Ну, это вы и без меня поняли.

— Как-то сложно все, — повторяю я и ставлю бокал на стол, не отпив.

Лена отворачивается. Я замечаю, что ее глаза становятся влажными. Или это эффект освещения? Какое-то время мы сидим молча. Интересно, о чем она думает? О том, как сложно жить в России человеку, чей внутренний мир разрывается между традиционным американским прагматиз-

мом и пресловутой русской духовностью? Или о том, во что трансформируются наши отношения? Например, сможет ли русская женщина с прекрасным именем Елена сделать из экспата русского? Вернуть его к корням, и все такое... Судя по тому, что временами по ее лицу пробегает тень и она морщит лоб, пытаюсь прогнать какую-то мысль, внутри Лены идет борьба. Или напряженный мыслительный процесс. Или все вместе. Она все еще гладит мое запястье.

— Знаешь, — Лена снова поворачивается ко мне, — я поеду с тобой... я не могу без тебя. — В ее зеленых глазах уже нет слез. На типично русском широкоскулом лице читается решимость. Она поправляет браслет, затем слегка закидывает голову назад и подхватывает руками длинные светлые волосы (зачем она так их осветляет, непонятно. Кажется, в оригинале она русая). Она улыбается одними уголками пухлых губ. — Мы поедem в Америку вместе. Понимаешь? Ты и я... К тому времени у нас уже будут блестящие карьеры. Ты возглавишь какой-нибудь департамент в WalMart, я продолжу работать в финансах в BONY, Citibank или JP Morgan Chase... И наши дети будут американцами. В крайнем случае, нам поможет твой отец. В крайнем случае...

И все это она говорит таким тоном, будто вопрос уже решен. Хотя за все шесть месяцев я ни разу не предлагал ей ехать со мной в Америку. Ни единого раза! И эта ее решимость, особенно последние слова, произнесенные с некоторым нажимом, заставляют меня поверить в то, что у Лены все серьезно. И что самое главное, по расписанию. Чтобы не выдать охватившего меня волнения, я снова соглашаюсь, киваю и говорю:

— Блестящие карьеры у нас будут гораздо раньше, honey. Так что помощь моего отца не потребуется. К тому же я не люблю никого просить. I hate it, you know! — Я оборотничательно улыбаюсь и поправляю левую запонку от Paul Smith. Лена счастливо улыбается в ответ. Мы чокаемся, отпиваем вина, тянемся друг к другу губами. Целуемся. Глаза Лены искрятся. Мы снова целуемся. Со стороны

кажется, будто у нас помолвка, хотя это и не так. Наконец приносят горячее, и мы замолкаем, увлеченные едой... или размышлениями о будущем.

Лена ест фаланги краба в кисло-сладком соусе, я — спагетти с мясом краба и томатным соусом (странное сочетание, но довольно вкусно). До этого у нее был тартар из тунца, а у меня сашими из лосося с кресс-салатом. И все это в сопровождении Vermentino из Bolgheri от Antinori. Потом будет кофе, а от десерта мы, скорее всего, откажемся.

Я рассказываю все это не с тем, чтобы продемонстрировать, как хорошо мы разбираемся в гастрономии, а просто чтобы вы поняли, что мы — молодые профессионалы, упріе, если хотите, которые могут себе позволить оставить триста долларов за ужин на двоих в ресторане «Золотой» на Кутузовском проспекте города-героя Москвы.

— Забыла тебе сказать, — Лена пытается достать вилок из панциря мясо краба. — Ко мне обратился приятель, директор по маркетингу компании, выпускающей косметику. Они запустили новую линию...

— Ты предлагаешь мне test it? — смеюсь я, ковыряясь в спагетти.

— Дурачок. Ему нужно инициировать публикацию в «Одиозном журнале», — наконец она справляется с фалангой.

— Инициировать? Как это называется... — Я щелкаю пальцами. — За-каз-няк, да? Ты спрашиваешь, могу ли я помочь тиснуть оплаченный материал?

— Не злись! — Лена сдвигает брови. — Ты можешь помочь? Это мой знакомый, и у него есть бюджет.

— Ex-boyfriend? — смеюсь я.

— Не хочешь — так и скажи! — Лена отворачивается.

— Окей, окей! — Я примирительно дотрагиваюсь до ее запястья. — Нет проблем. Дай ему мой телефон, я что-нибудь придумаю.

Чтобы исчерпать этот мелкий конфликт, я выхожу в туалет, хотя вообще-то мне туда не нужно. Закрывшись в ка-

бине, сажусь на унитаз, достаю сигарету и закуриваю. Не то чтобы Лена не любит, когда я при ней курю, просто мне захотелось провести пару минут в одиночестве. Докурив, я встаю, подхожу к умывальнику, включаю воду и смотрю на себя в зеркало. Черные волосы, крупные черты лица, красиво очерченные губы, слегка заметные синяки под глазами. Я выгляжу так, как и должен выглядеть преуспевающий менеджер среднего звена. На мне серый, в бледно-розовую полоску костюм от «Canali», однотонная розовая рубашка от «Pal Zileri», запонки, коричневые ботинки «инспектор», также от «Zileri» (ботинок в зеркало не видно). Я не ношу часов, предпочитая следить за временем с помощью Nokia 8800 за тысячу долларов. Последние четыре года я устраиваю в гостиницах скандалы, если не нахожу в ванной любимой пасты «Lacalut». Мне двадцать семь лет. Я ни разу в жизни не ел вермишели «Роллтон»...

Через час мы в Перове, в Ленкиной квартире. В гостиной, уже наполовину раздетый, я показываю ей газету «Коммерсантъ», прихваченную в ресторане. На первой полосе пишут о том, что «крупнейший в мире ретейлер, американская корпорация WalMart, два года назад открывшая офис в России, объявила о приобретении пяти гипермаркетов в Москве».

— Помнишь, в ресторане я сказал тебе, что наши блестящие карьеры состоятся раньше, honey? — Я протягиваю ей газету. — Look!

Лена пробегает глазами текст и улыбается:

— Скажи, тебе просто повезло? Или тебе сообщили об этом сегодня в офисе и ты подводил меня к теме?

— Случайно, honey, случайно, — смеюсь я.

— Как тебе это удается? — Лена обнимает меня за шею.

— Все зависит от того, как себя позиционировать. Я думаю... — но договорить не получается, потому что Лена увлекает меня в постель.

Через десять минут она сидит на мне, ритмично двигаясь. Красный бюстгальтер остается неснятым. Сегодня какой-то особенный день?

— Я хочу от тебя детей, — шепчет она, наклонившись к моему лицу и касаясь моей щеки влажными губами. — Понимаешь?

Я еле удерживаюсь от того, чтобы не ответить: «Я, типа, тоже». Хотя, если честно, первая моя реакция — вскочить и надеть презерватив. Вместо этого я обнимаю ее, мы долго целуемся, я шепчу:

— I love you, baby, — и добавляю уже по-русски: — Я люблю тебя...

— Я люблю тебя! — кричит Лена.

— Я люблю тебя! — кричу я. Можно было бы укусить ее за мочку уха, да только это слишком уж отдает «Орхидеей». Поэтому я просто снова целую ее в губы.

Кажется, она опять принимается плакать...

РИТА

*Телка-модель — это не модно,
Телка-модель — вчерашний день.
Бери поводок — выводи уroda,
Телку-модель,
Телку-модель.*

КАЧ. Телка-модель

— Вау! Нереально! И кто это устраивает? Тарико? Класс! — Рита поворачивается ко мне, не отрывая LG Prada от уха, и поднимает левой рукой бокал с мохито, будто бы чокаясь со мной на расстоянии, хотя мы сидим рядом. Последние полчаса ей звонят каждую минуту. В те редкие моменты, когда не звонят, звонит она. Диалоги стандартные: она рассказывает подругам, где находится, подруги рассказывают, где находятся они. Между приветствиями — описание присутствующих, смешки, междометия, восклицания «Вау!», «Класс!», «Супер!» и «Бред какой-то». Разговор сопровождается отчаянной, киношной жестикуляцией. Обычно так выглядят люди, копирующие манеру поведения отечественных кинозвезд. Рита же выглядит как копирующая манеру поведения людей, копирующих отечественных кинозвезд.

Периодически мы возвращаемся к предмету нашего разговора, каждый раз вспоминая, на чем остановились. В какой-то момент я теряю нить и желание договорить до конца и начинаю думать, куда же подевался Пашка.

— И ты уверен, что уложишься в полгода?

— Что? Ты мне?

— Тебе. Ты действительно уверен, что откроешь этот бар за полгода? — Я не заметил, как Рита закончила очередной разговор, положила мне руку на колено, а другой обняла за шею. На левой руке у Риты «Zenith Lady Star» на голубом ремешке. Надо же, а я вначале и не заметил. Интересно, настоящие?

— Сто процентов. Там ремонт минимальный. — Я закуриваю. — Помещение небольшое, с инвесторами полное понимание, контракты со спонсорами: алкоголь, сигареты. Из геморроя только — найти нормальных строителей и быстро получить лицензию на алкоголь.

— Ты уже думал, как его назовешь?

— Скорее всего, «Нефть». Врубаешься? «Не-е-е-фть», — нараспев повторяю я название будущего бара. — Это тебе не какой-нибудь очередной цифровой бар типа «13/7», «Семь» или «Один». Тут все будет концептуально. Начиная с названия.

— Концептуально? — Она делает глоток мохито. — Кто в наше время в этом разбирается? Все хотят фана, легких наркотиков и хорошей музыки. Ну, в смысле, которая не напрягает. — Она засовывает ладонь мне под футболку. — Тебе, с твоей вечной тягой к эстетике, должно быть тяжело...

— Знаешь, — я одним глотком допиваю виски. — С одной стороны, не стоит считать обывателей быдлом. В конце концов, мы работаем для них. Они несут свои деньги в ночной город, и все такое. С другой — девяносто процентов людей, с которыми встречаюсь, мне отвратительны. И я бы платил им свое бабло, лишь бы никогда и нигде с ними не встречаться. Как-то сложно все...

— На самом деле все просто. — Она целует меня в щеку. — ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО. Если не усложнять. Не грузись. Пойдем...

— Как Шитиков? — спрашиваю я по дороге к танцполу. — Не надумал насчет корпоратива? Нам нужна площадка.

Сзади раздается хлопок. Я инстинктивно оборачиваюсь и вижу бармена, замершего с бутылкой «Bacardi» в руках. На стойке перед ним разбросаны мята и куски льда для мохито вперемешку с осколками стакана. Бармен стоит и тупо пялится то на стойку, то на бутылку. Мы с Ритой рассматриваем бармена, будто чего-то ожидая. Например, что бокал магическим образом соберется обратно.

— Как Шитиков? — повторяю я вопрос.

— Шитиков? Ах да! Он обещал перезвонить завтра и все решить. — Рита берет меня за руку и увлекает за собой.

Мы выходим из VIP-зоны, спускаемся по лестнице и попадаем на танцпол. Масса танцующих равномерно распределена вокруг двух тумб с go-go girls. Девушки одеты в красные купальники, их тела накачаны, движения гиперэротичны, лица отсутствующие.

— SUPERNATURE! SUPERNATURE! — звучит из динамиков. Диджей кидает в зал пустую пластиковую бутылку, и танцпол взрывается, вздев руки в едином порыве.

— НЕ ГРУЗИСЬ! — кричит мне Рита и начинает танцевать.

Она очень сексуально двигается и моментально становится объектом внимания двух танцующих рядом мальчиков, одетых одинаково: голубые джинсы и обтягивающие белые футболки.

— В смысле? — спрашиваю я, делая шаг вперед и придвигаясь к Рите вплотную. Но она меня уже не слышит — облизывает губы, закрывает глаза и вздымает руки вверх. Кажется, она полностью отключилась, сосредоточившись на музыке. Со стороны это выглядит безумно притягательно.

На Рите голубая футболка с глубоким вырезом, надетая на голое тело, узкая джинсовая юбка и босоножки. Она выглядит на двадцать пять (когда молчит), рассказывает всем, что ей почти двадцать шесть, хотя месяц назад ей исполнилось двадцать три. Четыре раза в неделю Рита посещает фитнес Dr.Looder (беговая дорожка, тренажеры, бассейн), четыре раза в неделю — клубы (пятница, суббота, воскре-

сенье, утро понедельника), не пропускает ни одной распродажи в магазинах «ЦУМ», «Остатки сладки», «Подиум», — хотя основное место ее покупок все-таки «Дисконт-центр» на Саввинской (не признается в этом даже близким подругам). Многим врет, что учится заочно в РГГУ на менеджменте (хотя там учится ее подруга), раз в месяц где-то стрижется под мальчика, волосы не красит (натуральный цвет воронова крыла), рассказывает, что делает французский маникюр и эпиляцию голеней в «Персоне LAB» (на самом деле на дому у знакомой маникюрши, которая действительно работает в «Персоне»), время от времени начисто выбривает лобок.

Рита употребляет легкие наркотики (здоровье позволяет), не соблюдает диету (возраст позволяет) и является яркой противницей курения (вредно для здоровья). Пьет исключительно... да почти все, кроме водки. Предпочитает городские кафе типа «Этаж» или «Курвуазье» один раз в день, на завтрак (около часу дня).

Год назад у Риты появился зеленый «Mini-Cooper» (подарили родители, занятые, по слухам, добычей газа). Она снимает восьмидесятиметровую студию в районе Кутузовского («не хочу зависеть от родителей»), хотя в действительности это «в районе» находится у метро «Молодежная». Квартира увешана работами псевдовеликих «молодых русских фотографов». На фотографиях в основном она. Интерьер минимальный — большая плазма, музыкальный центр, ванная с кучей средств по уходу за кожей, кухня, забитая коробками мюслей и соковыжималками (многие не работают), большая красная кровать и пара шкафов («нет желания серьезно тут обустраиваться»). Да, и еще свечи. По всей квартире. Очень много больших, маленьких и средней величины свечей. С разными ароматами. «Как в дорогом спа-отеле», — говорит Рита тем, кто впервые у нее в гостях. Не знаю, как насчет спа, но у меня лично, как закрою глаза, возникает навязчивое ощущение, будто я завернул в церковь.

Рита стремится выглядеть продвинутой рекламщицей, настоящим профессионалом с западным подходом и одновременно профессиональной моделью, обладая при этом херовым английским и работая в промоагентстве («креатив, сопровождение проектов, ну, в общем, много чего») и пару раз в месяц вышагивая на каких-то левых показах («вообще-то зовут работать в Италию, но я раздумываю»). Рита мечтает устроиться пресс-секретарем в серьезный ночной клуб типа «Мост», «Дягилев» или «Крыша», хотя я не уверен, что там вообще бывают пресс-секретари. «Работа по контрактам со спонсорами — тоже клево», — говорит она. Еще она считает, что очень похожа на Водянову... Местами.

Точная сумма ежемесячных доходов неизвестна, но, судя по всему, основной доход — родители. Грудь очень красивая, но все-таки второго размера.

— Ты видел Пашку?! — кричит мне Рита.

— Чего? — Музыка орет так, что ни черта не слышно. — Не понял!

— Ты Пашку видел? — Ритка прислоняется ко мне и кричит прямо в ухо. В глубине ушной раковины звенит тоненькое «и-и-и-и-и-и». Кажется, я начинаю глохнуть. Совсем как тот диджей в фильме «It's all gone», у него в самом начале были такие же симптомы.

— А! Пашку! Нет, не видел. Я его ищу уже полчаса! — Теперь я кричу ей прямо в ухо.

— Чего ты орешь?! — Рита отталкивает меня. — Я не глухая.

Я киваю, поднимаю вверх оба больших пальца и начинаю раскачиваться в такт музыке.

— Он возле раздевалки, с двумя армянами. Один похож на Мартиросяна из «Камеди Клуб»! — еще сильнее кричит Ритка.

— Я вместе с армянами не хочу. Я их близко не знаю, — говорю я.

— Чего? — Ритка не слышит.

Я опять подхожу к ней вплотную:

— Я их не знаю! Уйдут — тогда подойду! — ору я и отпрыгиваю, чтобы не попасть под удар этой глухой тетери. Теперь она меня уже не отталкивает, а наоборот, обнимает за шею, виснет на мне и говорит:

— Какая разница, знаешь — не знаешь? Просто Пашка сейчас уехать может.

— Куда он поедет, если тут столько народа? — усмехаюсь я, отстраняюсь и иду к раздевалке. По дороге ко мне подтанцовывает какая-то студентка с огромными зрачками.

— Как дела? — игриво улыбается она. — Давай потанцуем?

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, скользя взглядом по ее телу.

— Мне тоже тут очень нравится, — наклоняется она к моему уху, продолжая извиваться в танце.

— Вкусненькая таблеточка, да? — хмыкаю я. — Вторая уже сегодня?

— Лера, — кивает она, растягивая губы в улыбке.

— Ты бы лучше ехала домой уроки учить, Лера, — киваю я в ответ.

— Нет, только половинка, меня саму угостили.

— Смотрю, тебя нормально так штырит, — бросаю я и двигаю дальше.

Слышу за спиной: «Сам уроки готовь, придурок!» Своевременно девушка реагирует, ничего не скажешь.

Пашку я действительно нахожу у раздевалки, мы вместе идем к туалетам, и он заходит в крайнюю левую кабинку. Выйдя, кивает мне, говоря что-то вроде: «Я поехал в “Оперу”». Я захожу в кабинку, защелкиваюсь, запускаю руку за бачок и выуживаю оттуда малюсенький целлофановый катышек. Да... Негусто.

Ритка уже сидит в VIPe, говорит по телефону и пьет новый коктейль. Она уже достаточно даятая, что неудивительно. Этот мохито четвертый или пятый? Впрочем, какая разница?

— Взял? — спрашивает Ритка, закончив разговаривать. Я киваю.

— Класс! — она прищуривается, отчего ее лицо с высокими скулами и карими глазами становится агрессивно-сексуальным. Она делает глоток мохито и немного обливается. Капли коктейля медленно скользят по ее высокой шее. Скорее всего, это заложено в сценарии.

— Знаешь, я подумала и решила, что буду тебе помогать с твоим клубом, — внезапно говорит она. — Мы сделаем офигенный проект. Такой проект, от которого всем крышу снесет. Ты и я... Через год заработаем кучу денег. С твоими связями и моей энергией — легко! Давай выпьем за это!

Она говорит таким тоном, словно мы с ней эту тему постоянно обсуждаем. Вроде как я ее уговаривал, а она не соглашалась. А теперь вот решила окончательно. Хотя за все три месяца, что мы вместе, я ни разу не заводил с ней подобного разговора.

— Было бы... Было бы круто, — говорю я, запинаясь от неожиданности. — Ты и я. Было бы очень круто, зайка.

Я беру из ее рук мохито, делаю большой глоток и целую в губы, наполняя ее рот пряным алкоголем. Глаза Риты подергиваются туманом. Она отрывается от меня, закидывает голову назад и залиvisto хохочет. Капли коктейля все еще текут по ее шее и почти достигают выреза на футболке.

...Через десять минут Рита, упершись лопатками в зеркало, сидит на тиковой столешнице с утопленной железной раковиной. Ядвигаюсь рывками, а Рита все время сползает вниз, так что мне приходится упираться ногой в дверь.

— Сильнее, — нарочито громко стонет Рита. — Сильнее! — Из ее руки на пол выпадает скрученная в трубочку банкнота. — Я люблю тебя, — Рита открывает глаза, усилием концентрируется на мне и шепчет: — Мы самая крутая пара в Москве.

Я смотрю на себя в зеркало через ее плечо. Короткая стрижка а-ля Джастин Тимберлейк, карие глаза, темные круги под ними. Я выгляжу как заядлый тусовщик (я и есть он).

Футболка наполовину задрана, тертые джинсы спущены до колен, носок кед «Paul Smith» с традиционным рисунком чуть выглядывает из-под наплывов джинсовой ткани. Мне двадцать семь. За последние полгода я не пропустил ни одной сколь-нибудь значимой вечеринки в Москве...

— Я люблю тебя, — стонет Рита и кусает меня за мочку уха.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Я тебя ненавижу, — Рита бьется в экстазе. В дверь начинают стучать.

— Я знаю, — одними губами произношу я.

Но Рита уже не слышит, она издает короткий стон, инстинктивно дергает рукой и открывает воду. Брызги попадают мне на живот.

— Я знаю... — снова шепчу я.

МИСС БРОДВЕЙ

Вечер, собравший сонм красивейших девушек страны (вспоминается фраза «Россия будет прирастать регионами»), вечер, на который стремились попасть все холостые и не очень мужчины столицы (с годовым доходом не менее двенадцати миллионов евро) и падкая до ломящихся от жратвы и выпивки столов пресса, подходил к концу.

Наблюдая за финалом светского раута, я понимал, что главное в отечественном кинематографе — телки. Как и в любом другом российском искусстве, в сущности.

Только что со сцены объявили победительниц конкурса. Обойдя шеренгу одетых в купальники участниц с синими ногами (в зале очень холодно), ведущие вручили цветы и главный приз самой «Мисс Бродвей» и двум финалисткам. Все это свершалось под улюлюканье жюри, едкие комментарии ведущих и дружные аплодисменты собравшихся. Подвыпившая пресса громче всех благодарила организаторов и вразнобой скандировала: «Атлантик!» «Атлантик!» Победительница, грустноглазая девушка из Уфы, получила автомобиль «Mercedes», главную роль в новом фильме, море цветов и обнадеживающие улыбки спонсоров. Две финалистки получили бабла, право на участие в кинопробах и плотоядные взоры «партнеров проекта». И только мы с моим приятелем Антоном не получили ни черта, не считая халявного буфета.

Сытые гости начали дружное продвижение к сцене, чтобы получше рассмотреть победительниц, пресса слажен-

но щелкала камерами, призерши обнимали и целовали «Мисс», не забывая смахивать слезы, кинозвезды жали руки организаторам, члены жюри, со вздохами, словно после тяжелой работы, вылезали из-за столов. Короче, гости были погружены в атмосферу искренней радости. Непонятно только с чего: двадцать четыре девушки на шестьсот гостей явно не делятся.

— Интересно, зачем на этот конкурс такие бабки тратят? — интересуется Антон, оглядываясь по сторонам.

— Как — зачем? — отвечаю, закуривая. — Такие призы дешевле, чем телок у Листермана покупать.

— Пошли за призами! — Он хлопает меня по плечу.

— У меня завтра встреча в редакции с утра, — пытаюсь соскочить я.

— Я тебя умоляю! — кривится Антон. — Зря водителя брали?

— Ну, вообще-то могу и к часу приехать. — Здравый смысл все-таки берет верх.

— Вечно ты ломаешься!

— Чего втираем? Как обычно? — скорее для галочки, нежели из интереса, уточняю я.

— Ну да. «Мое кино — это мое кино. Мое кино — это мое кино. Важнейшим из искусств для нас является кино», — кивает Антон.

— Давай только в этот раз без скандалов, — предлагаю я.

— Когда я скандалил-то? — удивляется он.

— Да никогда, в принципе, — пожимаю плечами я, — только вот на прошлогодней «Мисс Бродвей» ты бухой приставал к победительнице, и мы чуть не получили в башню от спонсоров. А так никогда! Значит, на этот раз план такой: подходим к двум самым заплаканным...

— Или к двум с самыми алчными глазами?

— Как правило, это одно и то же. Значит, так: я — режиссер нового фильма, а ты — продюсер «Атлантик».

— Ты режиссер? Ты хотя бы один термин профессиональный знаешь? Или имя великого режиссера?

— «Снято!» «Дубль два!» Спилберг! Буслов!

— Так, все понятно. У тебя познания в области кино хуже, чем у конкурсанток. Продюсером будешь ты, а я про Антониони и Бергмана поговорю.

— Как скажешь. — Я поднимаю руки вверх. — Сдаюсь. Только давай быстро: подошли, сняли и отъехали. Про Бэкхема будешь дома рассказывать.

— Бергмана.

— Ну Бергмана...

Мы двигаемся по залу ресторана «Ярь» сквозь плотный строй девушек с бокалами шампанского в руках, нетрезвых коллег-журналистов, спонсоров, инвесторов, промоутеров и кинозвезд, подходим к сцене, возле которой сгрудились проигравшие, и начинаем вычислять самых податливых. Мое внимание привлекает высокая брюнетка со спортивной фигурой, облокотившаяся на край сцены и закрывшая лицо руками. Ей пытается вытирать слезы русоволосая фея, которую природа щедро одарила не только формами, но и смекалкой. Утешая подругу, она не забывает смотреть в зал в поисках кого-то, кто сможет подсластить горечь поражения. И судьба (ну надо же!) моментально вознаграждает ее:

— Девушки, ну зачем вы так расстраиваетесь? — как можно более доброжелательно улыбаюсь я.

— Ты посмотри, какой натурализм! — встревает Антон. — Настоящая Клаудиа Кардинале в «Сладкой жизни»!

«...Ни фига себе познания!» — мелькает в моей голове, и я говорю вполне веско:

— Да, в этой сцене, на...

— На пляже, — заканчивает Антон, — когда она плачет на пляже. Девушки, вам не плакать нужно, а быстрее контракты подписывать! Нет, ты посмотри, я уже десятые пробы делаю, а тут такие экземпляры!

— Настоящие итальянки, — соглашаюсь я.

Брюнетка моментально успокаивается и поднимает на нас свои растекшиеся глаза. Ее подруга настороженно нас изучает.

— Подумаешь, в финал не вышли! Какая глупость, — продолжаю я. — У вас в кино перспективы получше, чем у победительниц. Вы уж мне поверьте.

— А вы организаторы? — спрашивает русоволосая.

— А мы похожи на организаторов? Антон, мы в самом деле похожи на организаторов?

— Невозможно, — отрицательно качает головой Антон.

— Я — Андрей Буслов, креативный продюсер «Атлантик», а это мой друг, известный режиссер, Антон Бондарчук, брат...

— Андрей, давай без титулов, я тебя прошу, — хмурится он.

— Бондарчук? — глаза брюнетки заблестели, теперь уже не от слез. — И вы...

— Брат. Младший, — извиняющимся голосом говорит Антон. — Фамилии не выбирают, сами знаете.

— А ваша фамилия мне тоже знакома, — вторит русая, глядя на меня.

— Ну да, мы ведь в одной индустрии... один момент. — Я отскакиваю и ловко перехватываю с подноса официанта пару бокалов шампанского. — Это вам, милые дамы!

— Ой, спасибо, — хором говорят они. — А вы?

— Мы разберемся, — улыбается Антон. — Шампанское — дамский напиток...

— И к чему такие слезы? — спрашиваю я брюнетку.

— Да ладно... проехали! — Она делает глоток шампанского. — Просто жюри тут...

— Нет, Наташ, ты видела, кому они первое место отдали? Она по подиуму пройти не может. Корова! Ноги подкашиваются!

— Своя, сто процентов, — кивает Наташа. — Прямо зла не хватает.

— Не расстраивайтесь, — уговаривает их Антон. — У членов жюри разные вкусы. Были бы мы в жюри, мы бы вам первое место дали, сразу обеим.

— Я, кстати, завтра скажу Синельникову, что жюри можно было бы и пообъективнее найти!

При упоминании имени президента «Атлантика» девушки навостряют уши.

— Андрюш, я тебя умоляю! — отмахивается Антон. — Мы в прошлом году с братом в жюри сидели, так Федя был в ярости. Наши голоса оказались в меньшинстве!

— Шоу-бизнес, — развожу я руками. — Ладно, хватит об этом. Давай лучше девушек веселить, не видишь, какие они усталые?

В течение двадцати минут мы знакомимся. Брюнетка представляется Наташей из Кемерова, русоволосая — Аней из Екатеринбурга. Девушки столь упорно готовились к конкурсу, что «даже на работу забили» (Аня — «учительница и немного модель», Наташа — «бывшая модель, теперь менеджер супермаркета»). Влив в обеих еще по паре бокалов шампанского, мы быстро объясняем про наш новый проект «Три сестры», куда на главную роль пробуется Заворотнюк, «а актрисы на две другие роли — настоящая головная боль». Мы сыплем профессиональным терминами типа «лайн-ап», «прибыль с бокса», «бюджет», «сложные вторые планы», «никто не умеет играть восьмерку», «прокат стал неподъемным, и если бы не Костя Эрнст...» и тому подобное. В конце концов мы дружно решаем продолжить разговор о тяжелом труде кинематографистов в ресторане, предварительно заехав ко мне домой («документы оставить и переодеться»). Проводив девушек до гримерки, мы остаемся за дверьми и обсуждаем распределение ролей.

Минут через десять наши прения нарушает весьма развязный молодой человек в мятом сером костюме и съехавшем набок галстук. На груди у него красуется табличка «Организатор».

— И куда это мы конкурсанток увозим? — прищурившись, спрашивает он. — У них еще банкет со спонсорами!

— Это не конкурсантки, а наши девушки, — напряженно отвечаю я. Антон сдвигает брови к носу и бычится.

— Ваши девушки?! — клерк лезет в карман пиджака, выуживая список, и продолжает допрос, оглушая нас своим фрикативным «г». — И из какохо они рехиона?

— Регион — это ты. — Я медленно растягиваю слова и надвигаюсь на него. — С каких это пор так называемые организаторы устраивают допросы сотрудникам ФСО?

— Мужики, вы чо? Вы чо? Так бы и сказали сразу, — мямлит он, пятясь.

— Мы тебе сразу и говорим, — подключается Антон.

В этот момент из раздевалки выпархивают наши подруги.

— Готовы уже? Поехали домой, — кивает им Антон.

Клерк ретируется. Мы берем девиц под руки и быстро проходим к выходу. Антон звонит водителю, сигнализируя, что мы покидаем эту ярмарку невест. Через две минуты мы залезаем в салон черного «Hammer H2» и двигаем в сторону метро «Аэропорт». Антон откупоривает бутылку шампанского, водитель через плечо нервно косится на нас, я сижу на переднем сиденье и курю. Девушки рассказывают что-то про нечестное жюри и победительниц, Антон понимающе кивает. Через пятнадцать минут мы стоим на крыльце моего дома, допиваем шампанское и выкидываем пустые бокалы в урну. Антон просит, чтобы мы его немного подождали, поскольку он должен дать водителю инструкции насчет вечера. Девушки рассматривают наш блестящий джип, стараясь не показывать свой неподдельный интерес. Наконец Антон вылезает из машины, берет под руки друг, я открываю дверь и пропускаю их в подъезд. Арендованный нами «Hammer» уезжает в ночь.

Дома мы долго пьем кофе, шампанское «Ruinart» и белое вино и через какое-то время решаем, что уютные домашние посиделки гораздо лучше выхолощенной ресторанной кухни, тем более что спиртного в доме еще достаточно, а я набираю номер ночной доставки суши («девчонки, в Москве есть только один настоящий суши-бар, про него мало кто знает»). Потом Аня говорит, что сидеть в принципе все равно где, «лишь бы компания была нормальная» (ох уж эти милые провинциальные девушки, готовые стать актрисами), еще через какое-то время привозят суши, и девушки выражают свои восторги, смакуя продукты ближайшего псевдо-японского заведения и приговаривая что-то вроде: «У нас, конечно, суши делать не умеют». Я возражаю, что в «Москве

тоже мало где умеют», а Аня проявляет патриотизм, замечая, что в Екатеринбурге есть один ресторан, в котором...

Но это уже не важно, потому что Антон поражает всех, в том числе и меня, историями из жизни режиссеров, актеров и продюсеров мирового и отечественного кинематографа. Аня делится подробностями участия в «Мисс Бродвей», а Наташа рассказывает, как будет готовиться к следующему конкурсу. Потом Антон уморительно разыгрывает диалог, произошедший между Никитой Михалковым и Мишей Ефремовым на съемках «Двенадцати», я обещаю все решить по конкурсу в следующем году, а распив третью бутылку шампанского, мы по ролям разыгрываем перед ними будущий фильм «Три сестры». При этом Антон явно знаком с Чеховым, тогда как я, никогда не любивший классику, лихо вплетаю в сценарий сценки из «Иствикских ведьм» (тех тоже было трое). В таком темпе мы осваиваем две бутылки белого вина, доходя наконец до того момента, когда никто особо не парится, чья рука лежит на чьем колене. Кто-то предлагает сыграть в карты, кто-то — включить музыку и потанцевать, но ни тому, ни другому так и не суждено сбыться, потому что на часах полвторого ночи, а девушкам еще нужно попасть в гостиницу до девяти утра, ведь там остались вещи. Последним заслуживающим внимания нюансом становится недопитая бутылка белого «Pinot Grigio» от Livio Felluga, которую Наташа опрокидывает на себя, а попытавшись отстраниться, роняет на пол, и та вдребезги разлетается, обдав всех брызгами. Кухня оглашается пьяными возгласами «на счастье!», Антон говорит, что в кино это считается хорошей приметой, а Наташа отвечает, что ей нужно в ванную замыть платье, тогда как Аня последние полчаса просто молчит и зачарованно ловит глазами каждое движение Антона. Я предлагаю выпить на брудершафт, но вместо этого иду показывать Наташе, где у нас ванная. В итоге пары оказываются в разных комнатах, моя подруга разворачивает полотенце, ложится в кровать и, перед тем как погасить свет, говорит:

— Хорошие вы ребята, Андрюша, только ни фига вы не продюсеры и не киношники.

— Что за недоверие! — вздымаю я левую бровь.

— Продюсеры не таскают случайных знакомых по своим квартирам. Даже в Кемерове.

— В Кемерове есть продюсеры? — недоверчиво спрашиваю я.

— Есть, Андрей. Даже в Кемерове есть. Только они таких, как мы, актрис сначала ведут в ресторан, потом в баню.

— Ты на самом деле хочешь стать актрисой?

— Я на самом деле хочу любым путем свалить из Кемерова. Куда угодно, — тоскливо говорит она.

— Что мешает?

— Отсутствие продюсера, — криво усмехается Наташа. Из-за стены уже раздаются характерные вздохи.

— Анька такая смешная, — отстраненно замечает Наташа. — По-моему, она в твоего друга влюбилась, дурочка.

— Почему дурочка, зайка? Любовь — это прекрасно! — жизнеутверждающе говорю я.

— Это точно, — вздыхает Наташа. — Я бы тоже в тебя влюбилась... лет пять назад.

— А я лично в тебя влюбился сразу, на церемонии, — гоню я.

— Это заметно. — Она проводит пальцем по моему подбородку. — Ты красивый мальчик. У тебя есть девушка?

— В данный момент я холост, — чуть смущенно говорю я.

— Смотри-ка, ты даже краснеть умеешь, — она запрокидывает голову и улыбается. — Влюбился он в меня... все хотят любви, Андрюша. Ты хочешь, я тоже хочу... настоящей!

— Давай, пока мы еще не встретили всепоглощающую страсть, просто займемся любовью, — предлагаю я.

— Разве у нас есть выбор? — говорит она, потянувшись к выключателю.

— Вряд ли, — отвечаю я уже в полной темноте.

CURRICULUM VITAE (*Два месяца спустя*)

Вспоминаем и молимся

Вспоминаем и молимся...

Кровосток. Биография

В двенадцать дня сработал таймер на музыкальном центре, который я безуспешно пытался настроить последние три вечера и на который уже почти забил, решив, что он умнее меня. Но вот вчера, кажется, все сделал правильно, или просто так получилось, короче говоря, музыкальный центр будит меня грязным битом «Кровостока».

*Я родился в Москве, в семидесятом, на краю города,
Моча рано ударила в голову.*

Человек снова доказал, что он умнее машины. С этой оптимистичной мыслью я продираю глаза и начинаю постепенно втягиваться в сегодня:

*Потом школа, драки, вонючая форма, клей.
Так я становился сильнее.*

Мне бы тоже хотелось стать сильнее. Реально, я проснулся с ощущением того, что уже устал. Хронический недосып? Отсутствие спорта? Недостаточно активная половая жизнь? (Это, конечно, для галочки, хотя... в общем, Неля

тоже оказалась сукой, но речь не о том.) Слишком много алкоголя, наркотиков и сигарет? Кстати, сигареты остались? Да, вот пачка. Любите ли вы курить в постели, как люблю это я? Я в курсе, вы очень хотели бы это любить, но жена не дает. А любить себя она вам еще дает? То-то же. У меня вот нет жены. По трем причинам:

Первая. На хрен не нужна (это по жизни).

Вторая. Я пока не чувствую себя способным на длительные серьезные отношения. Я не готов взять ответственность за себя и за того человека... (это для прессы).

Примечание ко второй: За меня бы кто взял ответственность... (это для спонсоров).

Третья. Шэрон Стоун уже замужем (это в принципе). Или она уже развелась?

Речь снова не о том. У меня сегодня, кажется, крайне лиричный настрой. Закуриваю первую сигарету. О-о-о! Чувство, сравнимое с первой любовью в школе, первой заработанной тысячей долларов (лучше бы с первой сотней тысяч, правда, как это — я не знаю, но, думаю, круче, чем сигарета), первой пьянкой, первым опытом однополый любви. Н-да. Ну, это я лесбиянок имел в виду. В общем, лежу, слушаю музыку, курю. Кайфово...

Воровал в раздевалках...

В одиннадцать кинул первую палку...

Брежнев сдох...

Стал заходить в качалку.

Кирзачи и теллага.

Я родился в Москве, в семидесятом, на краю города... Нет, я такого про себя сказать не могу, хотя меня отчаянно притягивают те времена. Очень хочу, но не могу. Можно, конечно, потерять паспорт и потом, дав денег ментам, получить новую ксиву, рассказывая окружающим, что в свои тридцать пять я выгляжу на четвертак только благодаря

легким овощным сокам и тяжелым наркотикам. Это прикольно, но, с другой стороны, придется базарить за все эти старперские темы, философствовать, говорить, что в наше время, конечно, было лучше, веселее и моднее, но... зачем говорить о каком-то другом времени, когда ВСЕ время принадлежит мне? В общем, идея с заменой паспорта не канает. В этом нет будущего. И... как-то сложно все.

Родился я в Питере, а не в Москве, в восьмидесятом, в центре города. Кирзачи и телагу видел по телевизору два раза и еще пару-тройку раз на стройках коттеджей у папы или у своих знакомых. Клей нюхал два раза в восьмом классе. Не прикололо. Про Брежнева рассказывал папа (не уверен), в одиннадцать лет я палок не кидал, зато нехило дрочил на шведскую «Magma Private», а это покруче, чем тюрить неумелый секс с прыщавыми одноклассницами. Уж в чем в чем, а в порнухе-то я разбираюсь (признаться, сам подумываю снять что-то подобное). В качалку не заходил, да что там — меня и в фитнес не заманишь («Петровка-спорт» — 50 процентов скидки, «World Class» — бесплатно, — у меня там знакомый менеджер). Зато в свои одиннадцать я уже лет шесть как заходил завтракать с мамой в гранд-отель «Европа» (но это к слову). Пошел в школу, где мог бы отлично учиться ввиду того, что «этот мальчик из хорошей семьи, его папа...», хотя учителя почему-то это по достоинству не оценивали. Отчасти сие объяснялось пролетарским происхождением учителей, а отчасти (и главным образом) моей ленью и неусидчивостью. В общем, все было неплохо. С трояков я не слезал. Зато и на героин не подсел.

Потом папа стал слишком много зарабатывать, что слишком мало стало устраивать маму, которая продолжала тянуть на себе всю бытовуху и выслушивать его монологи о собственной избранности. Начались мелкие ссоры, напоминавшие бои местного значения, потом крупные скандалы, потом швыряние друг в друга антикварной посудой, доставшейся от бабушки. Мама начала больше работать, папа стал еще больше гулять. А кто обещал быть буддийским

монахом? Становиться хорошим/ей мужем/женой также никто не клялся на крови.

Потом между драгоценными родителями выросла тонкая (шириной в столларовую купюру) стена непонимания, постепенно разросшаяся до ширины стены Кремлевской. Папа переехал в Москву, а мама перефразировала известную цитату: «Я счастлив, Горький, что живу с вами на одной планете!» до такой степени, что та зазвучала как: «Я не могу сказать, дорогой супруг, что счастлива жить с вами в одной стране». И уехала в США. Куда, ввиду своего малолетнего возраста, был увезен и я.

*Купил боксерские перчатки, спиздили в школе.
Пиздец был Витьку и Коле.
Линолеум, пятна крови, поставили на учет.
Ночью взломал бытовку, от пацанов почет.
Время течет...*

В Штатах опять школа. Если в Ленинграде я учился в английской спецшколе при Академии наук, то в Америке попал в самую страшную из всех школ района — школу имени Мартина Лютера Кинга. В Америке гуляет шутка: «Если где-то рядом есть надпись “Martin Luther King” — надо бежать». Это потому, что надписи такие, как правило, в самых ужасных черных районах, куда белые дети попадают редко. Но мне «повезло». Мама зарабатывала копейки, и нам ничего не оставалось, кроме как снимать квартиру (если это можно назвать квартирой) в самой отстойной части города...

Пора бы и в душ, смыть следы ночного города и все такое. Вообще вода — это хорошо. Последнее время от депресняка только душ и спасает. Солярий еще. Интересно, сколько стоит домашний солярий? Я бы из него не выходил. Устроил бы Доминиканскую Республику в отдельно взятой квартире. Чего-то голова уже слишком грязная... Как у шахтера, не иначе. С другой стороны, чем я не шахтер? Забой вчера был такой, что крыша клуба чуть не рухну-

ла, похоронив под собой всю нашу бригаду. Блин... Кстати, о «Крыше». Не стоило, ох, не стоило мне вчера так энергично танцевать с этой Нелей. С другой стороны, Вова должен был раньше сказать, что она девушка Шамиля. Ну, Неля, ну виделись где-то, «лицо жены хозяина нам знакомо», и все такое. Фигурка хорошая, грудь там, сапоги «Gucci», вроде знакомая, реально. Опять же «не помню, откуда помню». Я что, все про всех знать должен? Или всех помнить? Тем более на ощупь! Я же не справочная! В общем, неприятно. Черт знает чего у этого Шамиля на уме! Да я вроде и не делал ничего такого. Да... «Лицо жены хозяина нам знакомо... Выстрел — кома». Тьфу-тьфу-тьфу. По башке еще надо постучать. По Володиной. Надо же предупредить! Ладно, отоврусь, если что. Скажу, пьяный был или обознался, пообещаю фотографии в светскую хронику тиснуть — и все дела. Сыграем на теще.

Черт, уроды! Ну почему? Почему, если ты намылил голову в 2007 году, в квартире, находящейся практически в центре столицы нашей Родины, то шансы пятьдесят на пятьдесят, что горячую воду не выключат? Как-то сложно все, понимаете? Как-то очень сложно. На, сука! Ой...

Эй, там! А холодную-то воду зачем? Ну жажнул я по крану, и что такого? Кран-то мой! Хочу — ломаю, хочу — нет. Эй вы, мутанты! Включите воду! Уже все равно какую! У меня глаза щиплет! Нащупать бы полотенце да посмотреть ясными глазами на все это безобразие. Да, прикольный видок. Так, что ли, пойти? Скажу, новый гель, за столы. Ага. Это он не на мыло похож, идиот, а на разводы от кокса, врубаешься?

Потекла... Правильно... Пока не применишь силу, не поймут. Национальная особенность. Теперь быстренько смыть, сделать все свои дела и рвать отсюда когти, пока снова не закрутили водяные гайки.

Так... На чем я, собственно, остановился? Ах, да!

Первый день в школе запомнился мне навсегда. Оказывается, вся совковая система изучения иностранных языков была нацелена на то, чтобы человек знал правила, а

говорить не мог. То же самое случилось и со мной — я знал все глаголы и времена, а банально ответить в школе на вопрос «Do you want milk or water?» не мог. А еще оказалось, что я — единственный белый в классе. Все остальные были неграми или латиносами. Вот я и получил свой «welcome gift» на игровой площадке. Меня избили сразу пять или шесть негритосов. Я этого не стыжусь, потому что хотел бы посмотреть на вас, когда шесть огромных негров с криками «white boy!» накидываются и начинают бить ногами. Что, все себя Чаками Норрисами почувствовали? А зря...

С каждым ударом по почкам у меня темнело не только в глазах, но и в сознании, где пачка жвачки и пара фирменной джинсы постепенно терялись в океане ненависти и голода, который очень четко обрисовывался за бортом моего корабля.

Пусть не врут эмигранты, живущие на «welfare» (гособеспечении), что в России зоновские понятия, а на Западе — свободы полный край. Полная лажа. В школе нам давали двадцать талонов в месяц на еду. Каждый талон пронумерован и датирован, и его можно было обменять на ланч. Выбора блюд не существовало — ты стоял с подносом, и тебе клали на него то, что сегодня включено в одновариантное меню. Американский бюджет рассчитывал размер порций, видимо, опираясь на данные по белым дистрофикам, потому что неграм, которые в тринадцать лет владели баскетбольным мячом лучше всей сборной СССР, этой порции явно не хватало. А нехватка еды всегда отражается на настроении человека. У нас в школе драки за ланчи были регулярными. Били «bully» — крупные негритосы, отнимавшие еду и деньги у более мелких. Я оказался в числе мелких, потому что сравнивать советского мальчику, сына врача и учительницы, со зверьем, происходящим от африканских рабов, по меньшей мере глупо. Первую неделю я вообще оставался голодным, а потом увидел, что более слабые ребята плевали на свои ланчи, чтобы их не забрали «bully». В общем, вначале я не мог преодолеть омерзения,

а потом понял, что еда вкуснее голода, и начал плевать. Обеды отнимать прекратили. Я начал есть и драться на равных. Сантиметр за сантиметром моя кожа менялась на жесть (кстати, так надо будет написать в автобиографии или интервью «Esquire»).

Так, чего-то жрать хочется. В холодильнике — опять сок и кола. Сок и кола. Кола и сок. Тут чего, Кейт Мосс живет или кто? Холодильник топ-модели. Надо еще шприц туда положить. Андрей, вы на диете? Да, я ем только героиновый шик. Это что, новая диета такая? Типа «кремлевской»? Нет, типа гарлемской. Интересно, я же вчера приехал с коробкой суши. Или мне показалось? Или я вчера реально приехал, а? Так... пойдём по комнатам... вот она, слава роботам! Все-таки вчера мой внутренний винчестер не накрылся. Ужас какой, придется жрать сухими, ничего не поделаешь. «Педигрипал», не иначе.

Короче, флавишей ефкейп мне фувыли иги, фрифизе-ные вавой из саша, то есть, я хотел сказать, что клавишей Escape мне служили книги, привезенные мамой из Russia (просто есть очень хочется).

Книги привезли в восьми коробках. Были еще американские телесериалы, которые учили меня жизни вместо оставшегося в России отца. Редкие созвоны и новости оттуда ничего не давали, помню, по CNN смотрел, как в Москву вошли танки и стреляли по какому-то Белому дому в центре — Москву я тогда еще не очень хорошо знал. Мама благодарила Бога, что мы вовремя уехали, да и я потихоньку начал думать, что драка с негром и кроссовки «Nike Air Jordan» лучше, чем попасть под трассеры в столице моей бывшей родины. Что такое трассеры, я тогда не знал, но их эффект мне продемонстрировал CNN, на ближайшие пять лет отбив желание возвращаться в Россию. Существование в Америке мне вообще мало чем запомнилось: мама на работе, потом мама вышла замуж за советского инженера, поскольку четко уверила себя в том, что простой инженер лучше полулегального миллионера, который утром может

присутствовать на Лубянке в качестве почетного гостя, а вечером — в качестве постояльца. С отчимом у них никогда не было любви, просто тупое совковое существование, каковое осточертело маме через несколько лет, и она с ним развелась. Отчим умер через год после развода. Ы-ы-ы-к. Фу, как некрасиво получилось! Это все сухомятка.

Ладно, пора одеваться. Чего бы надеть-то, а? Что на улице? Ага, вроде солнце. На дворе трава, на траве дрова. Витя тоже на траве, а вот Саша уже на трамале, да. Тэкс-тэкс-тэкс. Хдэ жэ кастюм? У меня, кстати, прикольно выходит ростовский говор с «гэканьем». Ну, в смысле прикола, я имею в виду. На людях-то я так не прикалываюсь, только дома, а то много мудаков могут подумать, что я из Ростова, и бросятся на шею с криками: «Бра-а-а-а-а-т!»

Опять домработница, эта тупая ослиха, не отнесла костюм в химчистку. Ужас! Простейшие операции доверить нельзя, а вы говорите! Стоп, я же ей денег за месяц не заплатил... вот осел... ну, то есть у меня-то дел побольше, чем у нее, могла бы и напомнить и все такое. Чего сразу на работу не выходить, а? Позвонила бы, сказала: «Андрей Сергеевич, я вам напоминаю». Так нет, сразу в отказ. Как-то сложно все, да? Сложно у них все.

Окей, наденем что-то более демократичное. Джинсы, джинсы, джинсы. Одни голубые залиты вином, другие залиты... да... в общем, залиты... чем-то... вот, отличные джинсы. С этим ясно. Свитер? Да, прохладно, можно и свитер. Где-то тут был коричневый Etro... в кухне нет. Так я о школе еще хотел сказать.

Школа шла своим чередом, такие же тройки. За драки и прочую ерунду поставили на учет в полиции, куда регулярно приезжал тогда еще живой отчим, чтобы внести залог. Телевидение спасало, оно же и учило английскому. Сначала я, правда, выучил «ebonics» — язык негров, благодаря сериалу «Fresh Prince of Bell Air» с Уиллом Смитом, ну и другим телепрограммам, нацеленным на внедрение демократических понятий неграм с начальным образованием.

Почему-то всегда бесили сериалы, которые я смотрю сейчас, такие как «Friends». Тогда мне были мерзки эти счастливые еврейские дети богатых родителей, живущие в хороших кварталах Нью-Йорка. Я видел в них фальшь, потому как за все годы шоу там не бывало ни одного негритоса. Ну как в Нью-Йорке шесть человек не могут найти негра?!

Интересно еще узнать, как в шестидесятиметровой квартире один Андрей Миркин не может найти один свитер? Не шесть свитеров, а один! Понимаете, один! В ванной его тоже нет. Осталась комната.

Я, наверное, не переваривал их потому, что сам был таким, только по абсолютно непонятным мне обстоятельствам попав в получерный квартал. В черную школу и семью советского инженера, который не хотел слушать ни про мой детский сад на Итальянской улице, ни про школу у Смольного, ни про двухмесячные поездки на отдых в Болгарию (это при Совке-то), ни про колбасу/сгущенку/икру/шампанское/джинсу и пачку денег в томике книги Н. Валентинова «Встречи с Лениным».

В пятнадцать лет я впервые накурился. Ничего серьезного, просто купил «дайм-бэг» у латиноса-торговца, сам забил в разрезанную вдоль сигарету «Phillies Blunt» и закурил на крыльце школы. Так мне открыл свои золотые ворота изумительный мир веществ, которые скрашивают наше менее красочное существование. В привычку не вошло, иногда баловался.

Школа подходила к концу. В один из летних дней внезапно позвонил отец и сказал, что он в «Waldorf Astoria». Я примчался на всех парах. Встретились в вестибюле, словно старые однокурсники, которые никогда не были знакомы в институте. Папу уже ждал лимузин, и мы поехали на 57-ю улицу в «Russian Tea Room». Стоит ли говорить, что после почти пятилетнего перерыва белужья икра показалась мне манной небесной. Дорогой, черной небесной манной.

Свитер, кстати, тоже не дешевый. Куда же я его дел-то? В шкаф? Блин... одни носки. Может, я, типа, сороко-

ножка, а? И тут нет. Может, я его на прошлой неделе у Жанны оставил?

— Але, привет, слушай... да нормально все, ага. У тебя тоже? Рад за тебя. Ты даже не представляешь, как я рад. Да подожди ты с братом своим, я хотел узнать, не оставлял ли я случайно у тебя на прошлой неделе свитер, такой коричневый, а? Нет? Спасибо. Потом про брата расскажешь, мне бежать надо. Это... у меня вторая линия. Пока!

Где-то в середине обеда папа крепко взял меня за руку и сказал:

— Андрей! Я не хочу, чтобы ты возвращался в Россию. Я знаю, как ты здесь живешь, и даже понимаю, что ты этого абсолютно не заслуживаешь, но того, что творится там, ты не выдержишь.

Речь об ужасах жизни в России не запомнилась. Мне кажется, это обычное дело: приезжая в Америку, почему-то принято поливать грязью Россию.

Но тут я начал думать, что уже пять лет как в России ни в кого не стреляют (по крайней мере, из танков).

Попал в федеральный, взял первый мерин.

Подвис на винте капитально, вылечила Бутырка, спасибо Кере. Суд, пятнаха, севера, мошка, крытка, лютые лица.

Поняв, что не хочу всю жизнь учиться и работать, чтобы потом «заработать хорошую кредитную историю и получить ипотеку под хороший процент на дом в не самом плохом районе», я свалил. Если и существует американская мечта, с ипотекой она в моем сознании точно не вяжется. Или, может, просто это не моя мечта? Смотря как себя позиционировать.

— Алле. Леночка? Леночка, солнце мое. Ага, спасибо. Когда? Нет, на закрытие фестиваля не пойду. Как-то сложно все. У меня совещание в это время. Слушай, мне очень срочно надо узнать, не оставлял ли я случайно у тебя на

прошлой неделе свой свитер, такой коричневый, а? Нет? Не был у тебя на прошлой неделе? Кто, я? Не был? Ладно, давай, извини! У меня вторая линия!

В общем, поехал в аэропорт. Мамино «Андрей, ты понимаешь, что там на самом деле происходит?», полтора косяра от развоза пиццы, штука от продажи старой «Toyota Camry», девять часов перелета, самолет «Delta Airlines», приветливые лица стюардесс, первый класс (спасибо папе), шампанское, а потом...

А потом все-таки Севера... Заснеженная Москва.

— Приветствую... Ну что, идиот, велкам хоум, так, кажется, у вас говорят? Нахер ты приехал, я не знаю. Но чему быть, того не миновать.

— А почему ты на милицейском уазике, папа?

— Это «Гелендваген», «мерседес» такой.

— А что у тебя тогда полицейская лампочка на крыше?

— С детства хотел, вот и поставил. Садись давай.

С папой был неприметный мужчина, который везде открывал ему двери, озирался по сторонам и периодически загораживал отца от каких-то людей. Я не сразу понял, что он бодигард, думал, что бодигарды только у звезд и политиков. В России же телохранители были у всех, кто мог себе это позволить.

— Алле. Катюш, привет. Как фотосессия? Не прошла кастинг? Ух, сволочи какие! Я обещал? Слушай, погоди-погоди, давай по порядку. Сначала скажи, не оставлял ли я у тебя случайно на прошлой неделе свой свитер, такой коричневый, а? Нет? Ладно, будем искать. Что значит обманул с кастингом? Ну да. Он мой друг. Нет-нет, я звонил. Ну просто... просто у него не получилось.. Что значит — мои рекомендации никто не слушает? Очень даже слушают! Да? Сама ты фуфел! Я что, виноват, что ты такая корова, что не можешь пройти кастинг? Я? Нет, я же сказал, я звонил ему. Ну не знаю. Ну придумай сама, почему он тебя не взял. Все зависит от того, как себя позиционировать. Все, чао.

...Я уже начал представлять, как подъезжаю к своему вузу в папином узике-«Гелендвагене», как синяя лампа на крыше играет тенями на завистливых лицах однокурсников. Телохранитель выходит, открывает мне дверцу и, отстраняя людей, пытающихся пожать мне руку или хотя бы дотронуться до меня, сопровождает на занятия. А еще чтобы он мне иногда говорил: «Андрей Сергеевич, здесь небезопасно», а я б ему отвечал: «Ваня, дай мне побыть с людьми, я так устал смотреть на мир из окна “мерседеса”!».

Ничего подобного не произошло. Папа поселил меня в одной из своих квартир — небольшой, зато хорошо обставленной студии в районе метро «Аэропорт».

По дороге из аэропорта нас завезли в какое-то лажовое фотоателье, где мне велели сидеть прямо и не дергаться. Я так и сделал.

— Алле. Да, слушаю. Да, Жанна. Что? Да пошла ты сама, понятно? Да! Ага. Точно. Ты выговориться звонишь? Да мне все равно, что с твоим братом, ясно? У меня свитер пропал. Да, важнее. Приняли? Ха-ха! Не надо жрать колеса! Пусть лучше учиться идет. Я не знаю куда. В ПТУ! В медицинское. Ага. Пусть проходит практику на химфаке МГУ и передознется там чем-нибудь свежесинтезированным. Все, кладу трубку. Я не слышу тебя. Все, пока.

Брата у нее приняли... Выкупить за два косаря, нормально, да? Я, что ли, ему экстази продавал? Я что — самый богатый? Так вот...

Дома — тысяча долларов в месяц на еду и расходы, кредитная карта на экстренный случай (стоит ли говорить, как скоро он наступил). На столе лежала карта Москвы с обведенным красным кружком папиным офисом на Тверской и надписью «Здесь не появляйся». Через день после приезда мне в дверь позвонила папина сотрудница и передала конверт.

Я налил себе «Dewars», который начинал любить, сел в удобное кресло и открыл конверт. Из него выпала малень-

кая книжка в черном кожаном чехле. Студенческий билет. Миркин Андрей Сергеевич. Факультет журналистики Московского государственного университета. Первый курс.

Фотография в пуловере «Valentino», в котором приехал, получилась хорошая. В общем, абзац и все такое. Едва поступив на журфак МГУ, я ушел в раскрутку...

*Пошел в раскрутку, из зала суда прыгнул с лохом,
ушли в лес, его мясо есть,
товарняк, попутки.
Москва, сижу у братков,
новая ксива, новая работа, новые колеса,
решаю вопросы...*

Машину мне папа так и не купил, кстати. Может, оно и к лучшему, с моим-то образом жизни. Постоянные зависания, пьянки, гулянки, дружки-подружки и т. д.

Институтские годы не особенно мне и запомнились. Нет, конечно, бывали всякие подружки, смешные преподаватели, несколько пьянок с группой, студенческое братство и все такое. Но без фанатизма. Ничего такого, о чем можно было бы впоследствии сказать «как же мы это растеряли за годы?», я не приобрел. Может, оно тоже к лучшему? С экзаменами и зачетами я старался решать вопросы через деканат, нехитрым способом увеличивая заработную плату педагогам. А когда некоторые из них этого не хотели, подключался папа. Он, кстати, во многом помогал университету. Вообще, меценатство — хорошая российская традиция. Да, конечно, он частенько пенял мне, что я имею шикарную возможность учиться в лучшем вузе страны, и как это поможет мне в будущем, и все прочее. Что институт — тот самый базис, тот фундамент, который позволяет не только получить системное образование, но и жизненные принципы и, в конце концов, наметит вехи будущей профессии. На мои вопросы относительно названия того прекрасного вуза, где папу научили ловко обращаться с федеральным

бюджетом, он уклончиво отвечал что-то про «времена были другие». Но я, понятное дело, не велся на эти разводки. «Я, — отвечал я папе, — как Максим Горький. Я тоже живу в людях. И мои университеты, пусть и не имеющие ничего общего с коммунами бурлаков, не менее тяжелы. Да, мои плечи не знают лямки тянущих баржу. Но я учусь гораздо более важным в современном мире вещам. Я из коммуны прогрессивной московской молодежи, мы на своих плечах тянем в Европу баржу под названием Россия. Пропагандируем новые ценности, современные технологии, и все такое». Обычно после таких разговоров папа урезал мне дотации вдвое. Но я не пасовал перед трудностями. Светоч прогресса — не самая легкая ноша, особенно когда несешь его трясущимися после выходных руками. Но в целом от маршрута я не отклонялся. Я приехал в Москву, чтобы знакомиться. И к окончанию универа оброс связями, что дикобраз иглами. Поверьте, это животное — самое приспособленное для жизни в московском зоопарке.

Все эти романы, неумелые соития в общежитии, скороспелые свадьбы, столь же скороспелые разводы... Брошенные дети, брошенные жены, брошенная жизнь. Бесперспективняк и глупость. Глупость и бесперспективняк. Удивительно, но большинство моих сокурсников до самого окончания универа стреляли у меня и друг у друга деньги, жили на полшага — то в общежитии, то на хатах своих стремных дружков или в съемных апартаментах. Хотя, конечно, меня понесло. Съемные апартаменты могут быть в Восьмом аррондисмане в Париже, тугая же хаза в Текстилях как-то иначе называется. В общем и целом, кто-то жил за счет родителей, кто-то — за счет тех, кто жил за счет родителей, кто-то — не имея ни друзей, ни родителей, — вообще непонятно, на что и как жил. И все эти чуваки умудрялись выстраивать вокруг себя такие хитрые схемы, что я только диву давался. Головняки с девушками, участие в каких-то стремных политических партиях, попадосы с мелким бизнесом (а-ля устроился в Лужники торговать с прилавка, отошел в туа-

лет, вещи украли, хозяин-хачик выставил на бабки). И при всем этом круговороте дерьма страсти кипели, как в «Санта-Барбаре». Игры в «настоящих друзей», водка на кухне до зари, кровавые страсти на почве неразделенной любви, муки творчества, комплексы нереализованности. В общем, как-то сложно все было. Я в этом предпочитал не участвовать.

Хотя встречались и такие, кто врубался в модные фишки, лазил по кислотным вечеринкам, охотно слушал и передавал сплетни про светскую жизнь, и все такое. Но, начиная со второго курса, я насовсем выпал из студенческой жизни и ушел в жизнь ночную. Я, типа, не слушал все эти базары про жизнь ночного города, я ее делал. Когда чуваки из этой приглауренной компании втягивали через свернутые в трубочку банкноты нюхательный табак, думая, что тем самым шокируют окружающих, я советовал им еще и жрать зубную пасту.

— Освежать дыхание? — спрашивали они.

— Морозить десны, чуваки, морозить десны. Когда-нибудь вы про это узнаете. А пока тренируйтесь на табаке. Лучших из вас ночная Москва непременно заключит в свои объятия.

Одного нюхача из той тусовки я видел потом у входа в клуб «Мио» исчезающим в оперативных «жигулях» под присмотром пары сотрудников ФСКН. Москва действительно заключила его в объятия. Засим мои пути с бывшими однокашниками не пересекались. Впрочем, как и дороги...

После окончания института я понял, что, несмотря на образование, мой жизненный путь еще не определен. Карьера политического обозревателя мне не светила, так как в политике я не особо разбирался. Писать об экономике оказалось еще труднее. Как можно анализировать состояние экономики страны, если в твоём собственном кошельке еженедельно случаются банковские кризисы, а раз в месяцы вынужден объявлять суверенный дефолт по внешним займам? Если бы не помощь Международного валютного

фонда / отца, долги в зачатке похоронили бы молодое государство в лице меня. Таким образом, я пошел по пути наименьшего сопротивления, решив писать о том, что ближе. О тусовке.

А местонахождение моего свитера все еще не определено. Знаете, что самое ужасное с утра? Самое ужасное — это когда, лежа в постели, ты мысленно уже выбрал свой сегодняшний гардероб, а, попытавшись одеться, не можешь найти одну или несколько его составляющих. Учтите, все зависит от того, как себя позиционировать! Выбор гардероба и его последующая смена способны серьезно изменить ваш день! Я отказался от дальнейших попыток обзвона знакомых в поисках утраченного и решил надеть белый хлопковый свитер, связанный крупными косами, и голубые джинсы. Выгляжу в этом прикиде как молодой интеллигент. Хорошо еще очки завести. С простыми стеклами.

На чем мы остановились? На тусовке. Поскольку гляцевые монстры в лице «Vogue», «GQ» или «Harper's Bazar» не спешили предложить мне ежемесячную колонку, а американский «Robb Report» почему-то не сделал меня главным редактором российского издания (и это несмотря на мой вкус и тягу к luxury!), путь наименьшего сопротивления привел меня в деловую интернет-газету «Путь», сначала в качестве фрилансера, а затем — ежемесячного обозревателя.

Тусовка стала моей работой. Да-да! Если для многих счастливиц ночные клубные зависания и посещение всех этих открытий/закрываний/презентаций/показов и являются отдыхом, то для меня это стало самой что ни на есть тяжелой работой. А что поделать? Не кочегары мы, не плотники. Признаться, иногда хочется стать топ-менеджером, с рабочим днем с десяти до девятнадцати и неизменными кофе, интернетом и колонками светской хроники Андрея Миркина, который проводит бессонные ночи и тратит свое здоровье ради того, чтобы каждую неделю держать своих читателей в курсе всех новинок московской жизни. Но

я сам выбрал этот путь. Пусть нелегкий, зато интересный. Чего уж там — работу свою я люблю и отношусь к ней как к творчеству. Увидите, по моим колонкам ваши дети будут изучать историю России начала XXI века! Я похож на средневекового хрониста! Да что там, я настоящий поэт ночного города! Из моих колонок легко могла бы получиться «Божественная комедия» Дантеса.

Сначала моя колонка была ежемесячной, затем стала выходить два раза в месяц, потом стала еженедельной. У меня появились постоянные читатели, интернет-поклонницы, враги и, конечно, завистники. Я чувствовал, прямо-таки предвкушал, какие-то грандиозные изменения в своей карьере. Год спустя после знаменитой колонки про ночную жизнь московской золотой молодежи, которая произвела настоящий фурор, меня пригласили на НТВ, в программу «Главный герой», посвященную жизни ночного города (продолжительность сюжета семь минут восемнадцать секунд, есть запись), а через день я получил приглашение занять пост ответственного за светскую жизнь Москвы в «Одиозном журнале». Опля! Вчерашний тусовщик, «один из подающих надежды», стал главным по тусовке в одном из самых значимых журналов города! И это в двадцать четыре года! Сам я называю эту должность «гламур-менеджер». В шутку, конечно, хотя заказал себе визитки именно с такой надписью. Ну, для стеба.

«Крышуем банки, сидим в особняке на Таганке». Офис «Одиозного» действительно расположен в особняке. Правда, не на Таганке, а на Пушкинской, что тоже неплохо. Туда-то мы сейчас и отправимся.

Я снова захожу в ванную, причесываюсь, чищу зубы пастой «Lacalut», тщательно вычищаю межзубное пространство нитью, настолько тщательно, что начинает саднить десну. Затем возвращаюсь в комнату, думая о том, поранил десну или нет. Еще не хватало самому себе учинить парадонтоз или кариес десен, или как там это называется, я не доктор. С последней строчкой «Кровостока» выключаю

музыкальный центр, хватаю сумку с виниловыми дисками и собираюсь на выход.

Кровь наполнила рот...

Вот и все,

Приплыли...

Нет, все-таки саднит, и вообще во рту какой-то солоноватый привкус. Перед тем как покинуть квартиру, снова захожу в ванную и плюю в раковину. Черт! Реально, кровь наполнила рот. Проблемы со здоровьем, особенно видимые, повергают меня в отчаяние. Хочется немедленно вызвать «03», потому что последствия пореза десны мне неведомы, а если наложить на это мою всегдашнюю мнительность, то перспектива открывается ужасающая. Я собираюсь с силами, достаю мобильный и набираю номер Риты:

— Алле, привет, зайка, у меня тотальная проблема!

— Привет, я в спортзале, на дорожке, не могу разговаривать, осталось пробежать двадцать минут, перезвони!

— Эй-эй, постой, какая, на хрен, дорожка! У меня реально ужасные новости!

— Ты забыл попросить для меня дисконтную карточку в «Подium»? Ты хочешь сказать, тебе ее не дали?

— Хуже! Я ДЕСНУ ПОРЕЗАЛ! Что мне делать?

— Десну?.. Ну, типа, вызови врача, это может быть серьезно...

— Врача... гм... спасибо...

— Ой, да, Андрюш, а мы сегодня пойдем на фешн-шоу на «Веранду у дачи»?

— Не знаю. Не уверен. Если, типа, выживу.

— Окей. Ну, держи меня в курсе, как там с твоей десной. Я волнуюсь. Перезвоню чуть позже.

Да уж... клубные «девушки-стробоскопы» — не лучшие помощницы в медицинских проблемах. Я набираю Лену. Тут же сбрасываю. Нет, Лена слишком педантична, начнет

выяснять детали, симптомы и прочее. Ей я звонить не хочу. Но Лена тут же перезванивает сама:

— Андрей, ты звонил? Я не успела подойти, выходила из кабинета.

— А yeah... Звонил! — (Что за идиотская манера переспрашивать, когда по определителю и так видно, кто звонил!)

— Ты решил отменить совещание?

— Management meeting? Совещание? (Какое, к черту, совещание? Ах, да!) Нет, honey, солнце мое, не отменил. Просто тут... у меня... you know...

— Что-то случилось? — В ее голосе звучит преувеличенная тревога. — Ты в порядке?

— Я... как это? Десну... десну порезал!

— Как?! — Лена вскрикивает. — Чем?

— Я порезался, you know... порезал десну (черт, чем я ее мог порезать на работе?)... листом... бумаги... Несся по коридору — в одной руке мобильный, в другой папка, а мне, damn it!.. всунули отчет по продажам. От безысходности я нес его в зубах.

— Бедненький... как собачка, — кажется, она всхлипывает.

— Ooh yeah... Типа того (сама ты, сука, собачка!). Кровь течет... don't you know... ты не знаешь, что в этих случаях делают?

— Ой... это... это может быть опасно! Главное — не пытайся остановить кровь самостоятельно, это может обернуться заражением. Я сейчас позвоню подруге, она врач. Я тебе перезвоню через две секунды!

Положительно ни на кого нельзя положиться! Если бы я описывал эту ситуацию, то написал бы что-то вроде: «В этот момент страдания наполнили меня». Но в этот момент я вспоминаю, как где-то слышал о том, что саднящие десны следует полоскать. Начинаю рыться на полках, пока не нахожу какой-то дерьмовый флакон с жидкостью розоватого цвета и нарисованным зубом. Прочитав на флаконе, что он «дарит морозную свежесть деснам», смело отвинчи-

ваю крышку. Минуты две полощу рот водой с этим мятым раствором, наверняка забытым какой-то девушкой, и десну перестает саднить.

Провожу еще какое-то время перед зеркалом, снова причесываюсь и выхожу из квартиры. Звонит Ленка:

— Андрюш, подруга сказала, что надо прополоскать рот чем-то успокоительным, я записала пару названий, вот...

— Солнце мое, спасибо, honey, я уже прополоскал!

— Чем?

— М-м-м... травой!

— Какой травой? — удивление Ленки возрастает. Как будто только она знает лажовое правило, что рот следует полоскать.

— Да мне тут на reception desk... секретарши дали drug... из аптечки...

— Остановил?

— Кого?

— Кровь!

— А! Yes, I'm okay! Да, все окей. Остановил!

— Хорошо, — Лена удовлетворенно вздыхает.— Ну расскажи, какие еще новости? Ты точно не хочешь пойти на закрытие?

— Хочу, really! Но не могу! Солнце мое, у меня через пять минут meeting... встреча, мне нужно документ распечатать. Drop me a line! Перезвони!

— Ты такой занятой, — канючит Ленка. — Когда мы увидимся?

— Завтра. May be... то есть, наверное, завтра! Я тебе перезвоню через час, солнце мое.

— Я тебя люблю!

— I love you too! Я тебя обожаю!

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНДРЕЯ М.

Everybody wants a lover.

Everybody wants a lover like that.

Would you like me to seduce you?

George Michael. Too Funky

На улице ловлю тачку, называю адрес и запрыгиваю в машину. Пока едем, листаю свой органайзер, параллельно чатясь в ICQ с секретаршей главреда «Одиозного» Верой, сообщающей мне последние редакционные новости. В качестве новости дня отмечаю, что верстка нового номера уже началась. У меня еще не сданы ресторанный рейтинг и моя колонка, к половине фотографий «Светской хроники» нет подписей, провисло интервью с ресторатором, и... как-то сложно все, одним словом.

В районе «Белорусской» нас подрезает убитая совковая тачка, «шестерка», или «семерка», или даже, может быть, «Волга», я не разбираюсь, и мы с водителем одновременно начинаем орать:

— Эй ты, смотри, бля, куда едешь! — кричит он.

— Эй ты, смотри, бля, кого везешь! — кричу я ему в ухо.

Водитель разворачивает свое будкообразное лицо ко мне, подъезжает к тротуару, останавливается и медленно говорит:

— На хуй!

— В смысле? — спрашиваю я.

— Пошел на хуй отсюда рысью, сопляк! Вылезай, пока я тебе нос не сломал!

Я беру под мышку сумку с винилом, вытряхиваюсь из тачки и закрываю дверь. Водила срывается с места, даже не убедившись, отпустил я ручку или нет. Подождав, пока он отъедет довольно далеко, на безопасное для меня расстояние, кричу ему вслед:

— Психопат! Гребаный шизофреник! Тебе лечиться надо! Сходи к психоаналитику! Если тебе, конечно, денег хватит!

Выплеснув негатив, иду вверх по Тверской, рассуждая вслух:

— Стрелять таких надо. Или стерилизовать по принуждению. Расплодились, ублюдки! Хамье непромытое! За спиной два класса и три коридора, а туда же — рога мочить. Бычье! Город свиней и хамов! Спрашивается, куда в «самой читающей стране мира» делись все интеллигентные люди? По кухням небось сидят, водку пьют да правительство ругают. А дети бомбят на улицах и хамят пассажирам. Уроды, одни уроды кругом! Подъехать с пацанами, вытащить из тачки... Набить рожу да на квартиру еще выставить, чтобы сдох, сука, в своем сарае на колесах!

Дальнейший мой путь сопровождается представлением сцены справедливого возмездия. Три черных BMW шестой серии загоняют моего обидчика в глухой двор, мы с пацанами вылезаем из машин и достаем волены. Кто-то из наших вытаскивает за шкирку бледного от страха бомбилу. Я подхожу к нему, навожу пушку прямо в лоб и медленно, растягивая слова, цежу сквозь зубы:

— Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам отпишешь свою сраную хату в Бескудникове?!

И фоном играет «Каста» — «Про Макса». Причем пушку я направляю на него в тот самый момент, когда из динамиков звучит, как вы сами понимаете:

И когда кто-нибудь мочил рога,
он подтягивал своих пацанов и наказывал быка.

Уже подходя к гостинице «Минск», я размышляю о том, что три шестерки BMW не станут гоняться по городу за беспонтовым бомбилкой, обидевшим старшего из клана, хотя бы потому что последний не ездит на бомбилах. Но сама ситуация очаровывает меня своей уличной красотой, и я представляю, что бомбила вполне мог оказаться дилером, кинувшим братву, например. В любом случае «Каста» все равно очень в тему сюжета.

Тем временем я подхожу к офису и открываю дверь. Здесь, в «Одиозном», я провел уже два года. За это время многое изменилось. Да, за какие-то два года я стал одним из лучших светских обозревателей Москвы. Помимо еженедельной колонки в «Пути» и ежемесячной в «Одиозном», через мои руки прошли тысячи новостей, репортажи об отдыхе трудящихся из Ниццы, Куршевеля и Сент-Морица. Сам я успел дать несколько интервью молодежным журналам, прокомментировать список самых богатых людей России для «Forbes» (комментарий не вошел в номер, отчего они, конечно, потеряли в рейтинге)...

— Привет, красавчик! — (Это та самая Вера, секретарша, моя явная поклонница.) — Выспался? — Она прыскает в ладонь.

— Привет-привет! Я — как Нью-Йорк. Человек-город!

— В смысле?

— В смысле никогда не сплю!

— Миркин, привет! — (Это наша вторая секретарша, Даша, неврастеничка и, кажется, моя тайная поклонница.) — Главный и фоторедактор сказали, что твой новостной блок будет вырезан, потому что фотографии ты до сих пор не отобрал!

— Они не посмеют! — шутливо говорю я. — Фото у меня с собой, сейчас отдам.

Я успел оценить новый альбом «Tiesto», сделать обзор лучших клубов Ибицы, написать про клубную жизнь в интернете...

— Здорово, Андрюх, когда флешку отдашь? — (Это Денис, наш системный администратор и, как мне кажется, скинхед, но ко мне он относится лучше, чем к кому-либо, что особенно важно при просмотре порноресурсов.)

— Привет, привет. Брат, завтра принесу, мне она еще на один день нужна!

— Але, ну сколько можно-то? Месяц уже несешь. Завтра точно будет?

— Брат, точнок. Кстати, клевые у тебя «казаки». Новые купил?

— Это не «казаки», это «гриндерсы», — отвечает Денис обиженно, но все же обрадовавшись комплименту. — Так что с флешкой-то?

— «Гриндерсы»? Ну, все равно, типа, клевые. А с флешкой... считай, она у тебя, брат. — (Главное в общении с компьютерщиками — вовремя добавить слово «брат». Это располагает.)

Помимо интернета, мои обзоры в прошедшем году были посвящены самым дорогим мобильным телефонам, самым продаваемым яхтам (я воспользовался похожей статьей в американском «Robb Report») и лучшим московским ресторанами. Рестораны выходят теперь ежемесячным обзором, что, конечно, накладно в плане посещений, зато очень поднимает градус селф-пиара среди владельцев общепита.

— Миркин, ты в курсе, что зарплату в этом месяце не получишь? — (Эта толстая чувиха — наш главный бухгалтер, Оксана Александровна. По ходу, она так же, как Вера и Даша, моя поклонница.)

— С чего это? — с вызовом говорю я. — Я, типа, стал акционером? Почему меня не известили заказным письмом?

— Нет, ты, типа, не отчитался по подотчетным средствам, выданным тебе на прошлой неделе для твоего ресторанного обзора, — передразнивает она.

Я слегка краснею, но быстро справляюсь с собой и, как мне кажется, стальным голосом отвечаю:

— Вы, Оксана Александровна, ставите весь журнал на грань исчезновения. И знаете почему?

— Потому что журнал уже не выдерживает твоих представительских?

— Нет. — Я делаю трагическое лицо. — В свое время журнал «Wallpaper» был создан одним человеком, Тайлером Брюлем. Вы, конечно, о нем не слышали, что обидно, ведь вы работаете в издательском бизнесе. Так вот. Он уволился, когда финансовый менеджер устроил ему скандал из-за счета на такси, оплаченного корпоративной кредиткой. Он уволился. А журнал, конечно, существует, но уже не то... Понимаете, к чему я клоню?

— Понимаю, Миркин, понимаю. Такси у нас не оплачивают, к твоему сожалению. Когда отчитаешься по деньгам?

Я театрально закрываю руками лицо и убегая по коридору. Перед дверью своего кабинета сталкиваюсь с музыкальным обозревателем Геной. Мы договорились написать совместный отчет о выступлении треш-шапито КАЧ. Гена повернут на рэпе, и хорошие отношения с ним нужны мне для того, чтобы однажды он написал грамотный пресс-релиз на выход первого альбома моей группы... Да, не удивляйтесь. Как говорится, талантливые люди талантливы во всем. Не ограничиваясь журналистикой, литературой, ресторанной и разной иного рода критикой, я начал серьезно заниматься музыкальным творчеством. Лирику я писал уже давно. Когда-то это должно было выстрелить во мне, и вот полгода назад я и два моих приятеля собрались, чтобы записать альбом в стиле гангста-рэп (или гангста-треш, как мы его позиционируем). Я отвечаю за тексты, Антон — за аранжировку, а третий наш товарищ, Ваня, просто читает. Проект назвали «Московский Первый», и наш первый альбом вот-вот вспорет мозги аудитории, подобно хорошему колумбийскому первому. Концепция бренда, философия и название, не говоря уже о продвижении, как вы уже догадались, лежит на мне.

Гена, хотя и педик, известный московский музыкальный обозреватель. Испытывает ли он ко мне симпатию? Хм-м-м...

пожалуй да. Но поскольку человек я дружелюбный и общительный, меня это не удивляет. Иногда мы вдвоем ходим на концерты рэп-команд (nothing gay), а с недавнего времени я изредка участвую в его музыкальных обзорах в журнале.

— Привет, Андрюшка! — кричит он мне. — Где твоя часть обзора?

— Гена, — я отвожу его в сторону и тихо, но внятно говорю: — Послушай. Я же тебя просил не называть меня Андрюшкой. Я ничего не имею против твоей сексуальной ориентации, но ты этим своим «Андрюшкой» меня компрометируешь. Я все-таки имею репутацию... скажем так... ловеласа. А тут ты со своим уменьшительно-ласкательным!

— Да брось, Андрюш. Кого этим удивишь в век унисекса? Тем более ты мелькаешь по журналам в фотоотчетах рядом с такими персонажами, по сравнению с которыми я — натурал! Так как там с твоей частью?

— Будет, будет. Через час. Я, конечно, мелькаю, но ты все равно... это... ну, типа, не перегибай палку... и все такое...

— Чего не перегибать? — радостно заливается Гена.

Не дослушав, я скрываюсь за дверью своего кабинета.

Да, Гена прав: намелькался я за этот год изрядно. Тусовочные фото, фотосессия для журнала «OM light» в образе сутенера, съемки для МТВ в программе «Новые лица», титул «самого многообещающего из поколения двадцатилетних», которым меня наградил один журналист из «МК» (статья, правда, была про московские бордели, наркоторговлю и прочие пороки города, но не в этом суть). Статья «Разбитое сердце Жанны Фриске» в газете «Жизнь» (я там на заднем плане залезаю в чей-то джип, так что можно подумать, будто Жанна плачет в том числе из-за меня).

— Але? — у меня звонит телефон.

— Андрей, ты начал ВТИРАТЬ? — Это опять Рита.

— Чего?

— Почему у тебя порезана десна? Ты втирал в десны наркотики? Ты хочешь стать наркоманом?

— Я?! Втирал?! Дура! — Она реально начинает меня бесить, особенно учитывая то, что позавчера она рассказывала, как они «шалили» с подружкой Натусей (сука еще та). Ага. Дома у друзей, таких же, как она, маменькиных сынков и дочек, закидывались экстази перед дискотекой. А я теперь наркоман! — Да я порезался зубной нитью, идиотка!

— Ой... а я уже подумала... Андрей, я...

— Ага, ты, наверное, подумала, почему это я тебя не пригласил «пошалить», да? Или как там вы с этой дурой Натусей называете употребление запрещенных веществ? И вообще, уже час, как я истекаю кровью, а ты только перезвонила. Это и есть твое «чуть позже?».

— Андрей, не смей разговаривать со мной в таком тоне! — Рита начинает срываться.

— Я вообще не готов с тобой разговаривать. У меня встреча, все, пока.

— Андрей, не вешай трубку, я ведь волнуюсь за тебя!

— Все в порядке, я у доктора, не волнуйся.

— Позвонишь, как освободишься?

— Обязательно. Целую.

— Ты про «Веранду» не забыл?

— Нет.

— Я тебя люблю.

— Я тебя обожаю. Тотально.

— Пока.

— Пока!

После разговора с Ритой опять заболела десна. Черт! Love hurts или как там?

И вот, в двадцать семь, я узнаю о том, что, скорее всего, то есть очень возможно, журнал «GQ» поставит меня на 69-ю позицию в списке самых стильных людей Москвы.

— Bingo! — скажете вы.

— То ли еще будет! — скажу вам я. Снова сплевываю. Теперь уже в салфетку, но крови, слава богу, нет.

Учитывая среднее арифметическое возрастов всех остальных участников (хотя я еще не выяснил, сколько испол-

нилось Марату Сафину, но, принимая во внимание, что и с Жанной Фриске я ошибся года на три в меньшую сторону, получается около 35) и среднее арифметическое состояний их родителей/спонсоров (здесь еще больше вопросов), получается, что шансы стать гиперпопулярным и мегабогатым у меня еще ого-го. То есть их определенно больше, чем, скажем, у сборной России на победу в чемпионате мира по футболу, но чуть меньше, чем у Билла Гейтса, если он вдруг задумает потратить все свои миллиарды до конца жизни. В любом случае первым, скорее всего, «Грэмми», получу я, а не Тимати. И уж, конечно, не Серега с «Бумером», надеюсь, вы понимаете, о чем я. Иными словами, чего они достигли, все эти люди? Даже не люди, а номера, остальные девятосто девять номеров? На что они почти истратили свою жизнь? У меня, право, нет ответа. Все их деяния настолько незначительны, что мне даже неловко об этом рассуждать. Реально я, кажется, краснею. У меня такой смущенный вид, хоть фотосессию делай.

Прикиньте: я стою с видом трогательного, смущенного первокурсника. С голым торсом и в рваных джинсах «D&G». Босиком. А в руке — роза. Нет, лучше сигарета. Да, точно, сигарета. А на полу валяется дубленка, как в том клипе у Боно из «U-2». И под фотографией надпись: «“Смущенный Амур”»: Андрей Миркин в интервью журналу “Vogue” говорит, что до сих пор стесняется, когда знакомится с девушкой!»

Интервью, конечно, должно начинаться моими словами. «Наверное, я не должен вам этого говорить, но я очень надеюсь встретить ту, которой смогу вручить свое сердце на брелоке. Но... у меня пока не очень получается. Как-то сложно все...» И ниже список девушек, с которыми Андрей Миркин (то есть я) имел бурные романы в течение последних двух недель. Ха-ха! Я даже название придумал:

АНДРЕЙ М. БЕССПОРНО ТРОГАТЕЛЬНЫЙ. ИНТЕРВЬЮ БЕЗ ПОРНО.

Вот таков вкратце мой жизненный путь, вплоть до сегодняшнего дня. Весь мой опыт (немалый, заметьте), все мои мечты, надежды и guide lines.

Дверь кабинета медленно открывается. Воистину, побыть одному, хотя бы десять минут, мне удастся только на фотографии глянцевого журнала. Да и то малореально, учитывая количество рук, его листающих, и количество глаз, рассматривающих мои фотографии. Я разворачиваюсь вместе с креслом к окну, чтобы оказаться спиной к собеседнику. Скорее всего, это кто-то из девочек-секретарш с очередным тупым вопросом. Поскольку они все равно мало чего соображают, единственным достойным собеседником может служить моя спина.

Итак, дверь открывается. Я сижу к ней спиной и медленно, с сигаретой в зубах, произношу:

— Сегодня я еще не готов выслушивать глупости.

— Я тоже. Миркин, номер верстается. Где твоя хроника, умник?

На пороге стоит главный редактор «Одиозного журнала»...

— Ко мне зайди, немедленно!

Дверь снова закрывается.

Я встаю, приглаживаю волосы, беру со стола пачку каких-то бумаг (моя лирика, выписки из кредитки и какие-то распечатки из интернета). Со всем этим добром выхожу в коридор, тихонечко стучусь в дверь, делаю трогательное и вместе с тем ответственное (как мне кажется) лицо и врываюсь в кабинет:

— Здравствуйте, Алексей, как у вас дела? — выстреливаю я с порога, не давая ему наброситься на меня. — Понимаете, с некоторыми материалами случилась небольшая заминка. Такой, знаете... как это лучше сказать, когда контракт не может быть выполнен...

— Форс-мажор, — выдыхает Всеславский, вертя в руках пластиковую шахтерскую каску с надписью «Передовик», по слухам, подарок одного из вице-премьеров.

— Ага, круто. Ну, в смысле, точно. Форс-мажор. Я, повторюсь, некоторые материалы не могу сдать в срок по объективным, не зависящим от меня обстоятельствам. Все мы, как вы знаете, зависим от Провидения, и на этот раз воля случая...

— Какие конкретно? Интервью? — Он начинает раздраженно постукивать пальцами по каске.

— Интервью в данный момент находится на подписи у Бухарова. Он должен был прислать мне его сегодня, но почему-то не прислал и...

— Ресторанный рейтинг?

— Оксана Александровна, наш бухгалтер...

— Я в курсе, кто это. И что? Она распорядилась сделать налоговую проверку во всех ресторанах города, и они закрылись?

— Нет, ну... почти так. Она выдала мне средства на посещение новых заведений несколько позднее, и теперь я вынужден дописывать рейтинг, основываясь на впечатлениях друзей, посетивших рестораны, которые я... на которые мне...

— ...не хватило. «Светская хроника»?

— О, тут уже все красиво. Почти все готово, осталось только...

— Фотосессии?

— Алексей, позвольте, ну что мы как в игре «Кто хочет стать миллионером»? Вы мне задаете все более и более сложные вопросы в каждом туре, а оплата за правильные ответы, заметьте, все время одинаковая. Если бы мы были в телевизоре, я бы уже скопил тысяч шестьдесят в виде несгораемой суммы... Я готов...

— Стоп. Не ты. Я. Я готов уволить тебя тотчас же. И только врожденная интеллигентность не позволяет мне назвать тебя кретином и послать ко всем чертям.

— Sorry?.. Вы хотите сказать, что я...

— Я хочу сказать, Миркин, что слишком хорошо к тебе отношусь и позволяю работать в свободном полете, надеясь, что зачатки твоего таланта наконец разовьются и разбудят следом твою совесть. А зря. Тебя надобно заставлять работать, как шахтера в забое...

С этими словами он надевает на голову эту самую строительную каску козырьком назад, что делает его похожим на рэпера старой школы.

— ...в забое, да. И тогда твои амбиции...

Тут я понимаю, что моя карьера зависит от того, насколько грамотно я сейчас отоврусь, а весь дальнейший ход событий, соответственно, — выиграю ли эту словесную дуэль.

Я на пару секунд отключаюсь и представляю себе, что мы с ним встретились в Нью-Йорке, за зданием заброшенной фабрики. Он — старый глава Восточного клана, типа Notorious B.I.G., а я — молодой глава Западного клана, ну, типа, Тупака Шакура, но симпатичней. С каждым из нас по пятьдесят черных бойцов. Черные джипы, кожа, бейсболки, рваные джинсы, рваные майки. Все на волынах, помповых и прочих девайсах. И он мне реально предьявляет, что я просрочил оплату за партию товара на сутки, и говорит что-то типа: «Ты в курсе, что час опоздания стоит сто штук, или вы там, на Западе, расплачиваетесь шелчками?» А я, молодой и наглый, слушаю его, глядя себе под ноги, курю план и изредка сплевываю, всем своим видом показывая, что его базары мне до фонаря. В какой-то момент я его прерываю улыбаясь и говорю, что, типа, готов платить хоть по мулику за полчаса. Дело не в деньгах. Да-да. Именно так я и говорю: «Не в них сердце, брат. Главное — репутация. Все зависит от того, как себя позиционировать». Я откидываю косяк, и в этот момент на крыше фабрики появляются еще полсотни моих пацанов, наставляющих на него ганы. «Наши пацаны поднимают стволы. Для папы остановилось время — встали котлы». И он, конечно, дает заднего и типа говорит мне: «Релакс, чувак, релакс, мы все уладим», и идет к тачке. А я останавливаю его и предлагаю начать читать. Я говорю: «С'mon Biggy, Let's talk a little!», чтобы словесная дуэль выявила сильнейшего. И мы читаем полчаса, час, и в конце он, показывая указательным пальцем левой руки сначала на мои цепи, потом на мои рваные штаны, тату и кольца на пальцах, говорит:

— «Но зачатки признания усилили бесплодные амбиции...»

А я делаю паузу и даю финальную фразу, обводя рукой пацанов, стоящих сзади меня и на крыше:

— «Но, уходя за границы стиля, нужно знать, что будет сложно возвратиться».

И тогда мои и его пацаны начинают мне хлопать и подпевать «Йоу! Йоу!». И все вокруг начинают брататься, смеяться, обнажая белоснежные зубы (от природы, а не от использования суперотбеливающей новомодной пасты «Lacalut Brilliant»), и он подходит ко мне и говорит что-то вроде:

— Теперь, когда музыка рассудила наш спор, ты победил. Ты молодец и дерзок, и теперь я буду называть тебя Братом...

— ...и тогда твои амбиции начинающего гангста-рэпера, возможно, поубавятся, и ты станешь просто хорошим репортером, — заканчивает Алексей.

Я пытаюсь понять, откуда он знает про мою группу, и еще прикидываю, что хорошим репортером быть не хочу, я и так самый лучший. Заодно я понимаю, что нужно срочно что-то сочинить, и начинаю импровизировать:

— Алексей... понимаете... я не хотел говорить об этом, да и не говорил никому. Помните, вы как-то сказали, что хороший журналист должен быть прежде всего хорошим менеджером, чтобы хотя бы научиться правильно администрировать личное время?

— Помню. И что с того? Ты же так и не научился.

— Так вот. Я в прошлом сентябре подал документы, сдал экзамены и поступил на факультет управления СМИ при Кембриджском университете. Раз в месяц приходится мотаться в Англию, слушать семинары. А тут еще первые экзамены на носу. Хочу MBA получить. Обучение дорогое... занимать я не привык, к папе обращаться гордость не позволяет. Ну я и устроился работать в три компании креативщиком. Слоганы всякие, пресс-релизы, промоакции придумываю. Вот...

— А что это за факультет управления СМИ?

— Открыли недавно, его еще рекламировать не начали, а конкурс уже ого-го. Мне друг рассказал, у него там, в Лондоне, девушка учится.

— И когда же ты все успеваешь?

— Да выбора нет, Алексей, нет у меня выбора. Журналистика — это мое. Хочу стать в ней профи. И если сейчас не получу дополнительного образования, потом уже не успею. Приходится вертеться. Вы уж меня простите! У меня с сентября все эти залеты со сдачей материалов и начались. Можете меня уволить, конечно. И будете правы. Жаль, я раньше вам все не рассказал.

Надо представить себе лицо Алексея. Он похож на растаявшее мороженое. Слова мои, как видно, пролились на его сердце бальзамом. Весьма неожиданно для меня, признаться.

— Послушай, Андрей! — Он встает, по-отечески обнимает меня за плечи. — Что же ты раньше молчал? Это же совсем другое дело.

— Да неудобно было, — заставляю я себя покраснеть.

— Я вот, когда на журфаке учился... Мы ведь еще и коллеги?

— Да... — еще более робко отвечаю я.

— Так я, когда учился, тоже подрабатывал. Бывало, полмесяца проваландаешься на левых приработках, а сессия уже почти провалена. А что делать? Жить-то надо было. Но успевал как-то, старался.

— Я вот тоже стараюсь, очень даже. Только вот...

— А группа и у меня была. Знаешь, такой панк-рок рублили — мама, не горюй! Типа «Clash». Круто играли, круто.

— О! Я как раз хочу рэп с панк-роком скрестить, вы что думаете?

— Думаю, жестко должно получиться. В свое время... Н-да. Ладно, Андрей, это меняет дело. Я, признаться, начал уже в тебе разочаровываться. Даю тебе время до пятницы. В пятницу — будь добр.

— Мне сегодня до вечера хватит!

— Не надо фанатизма. В пятницу. Все, давай, иди творить, брат по перу.

...Я закрываю дверь и поднимаю вверх кулак. Yes! Он все-таки назвал меня братом!

Теперь, когда отсрочка получена, стоит заняться делами. Поскольку интервью еще не запланировано, и не факт, что оно вообще состоится (тьфу-тьфу), поскольку ресторанный рейтинг занимает минут десять (если с кофе), самое время заняться обзором светской хроники. Я решаю написать на работе обзор, свою авторскую колонку для «Пути», а затем съездить к владельцу «Ностальжи» Игорю Бухарову и попутно заняться легким шопингом / разведкой боем в ЦУМе. Да. И еще пойти в солярий. Круто? Главное, как уже говорилось выше, правильно планировать личное время! Осталась одна загвоздка — подписи к фотографиям. И урегулирование финансового вопроса с Мариной...

Я выхожу, чтобы налить себе кофе, и слышу голос секретарши Даши:

— Что, Миркин, невеселый такой? Сняли с тебя скальп у главреда?

Мое презрение к Даше в этот момент таково, что я готов ответить ей спиной, и только особенности физиологии человека мешают мне это сделать. Я разворачиваюсь, подхожу к ней и как можно громче говорю:

— Даша, я могу тебя уничтожить прямо на месте. И даже не левым пальцем правой ноги, как ты могла бы подумать. Я раздавлю тебя весом собственного интеллектуального багажа...

Пока она собирается с мыслями, чтобы сначала осознать услышанное, а потом придумать ответ, я уже сижу в своем кабинете и набираю номер фотографа Марины. С баблом, конечно, неудобно получилось. Что ж ей прогнать-то? Потерял? Ага, точно... Забыл дома? «Твои проблемы», — скажет это бесчувственное животное. Я представляю себе Марину, вечно одетую в жесткое кожаное мини и рваную джинсовку. Она стоит, перепоясанная ремнями фотоаппаратов, как Анка-пулеметчица; в одной руке сигарета, в другой телефон. Короткие волосы покрашены фиолетово-

зеленовато-огненным цветом. Взгляд отсутствующий. Губы сжаты. Она разлепляет их, чтобы сказать: «Твои проблемы, чувак!» Реально, больше от нее нечего ожидать.

— Да, — хрипло отвечает Марина.

— Как дела, звезда европейской фотографии? — Я стараюсь выглядеть (точнее, звучать) как можно более учтивым.

— Хреново, — еще более хрипло отвечает она. — Когда приедешь?

— Зачем?

— За фотографиями, — кашляет Марина.

— Постой-постой, а, типа, у меня нет другой возможности их получить? Электронной почтой там или еще чем?

— Без мазы. У меня интернет не работает. Деньги кончились.

— Марина, ты меня убиваешь. — В этот раз кашляю я. — Какого черта ты круглыми сутками щелкаешь затвором фотоаппарата, если у тебя даже на оплату интернета не нащелкивается?

— Послушай, милый мальчик! Не забывай, я фрилансер. Это ты зарплату получаешь за ежедневное безделье, а я деньги зарабатываю путем сотрудничества с разными изданиями. Я снимала вечеринки, которые ты попросил посетить, чтобы позавчера ты приехал, забрал диск и отдал мне деньги за съемку, которые тебе выдали в редакции. А пока я щелкала камерой, ты, как всегда, все прощелкал и не приехал. Так что выкручивайся теперь сам. Кстати, что с деньгами?

— Послушай-послушай, ты вот так вот сейчас не можешь меня подставить. Я завтра, до вечера, должен сдать эти «зверинцы», понимаешь? Деньги я тебе, конечно, отдам. Завтра... ну, в смысле послезавтра...

— Опять все просрал по клубам и распродажам?

— Да нет, понимаешь, тут такие неприятности были...

— У тебя каждый раз неприятности, когда речь заходит о чужих деньгах. Кошелек украли? Как в прошлый раз? — Марина раздражается клокочущим смехом.

— Не смешно, — я начинаю злиться от бестактного напоминания о давно забытой истории. — Я начал снимать из банкомата... и он не сработал... ну... короче... не выдал мне ничего.

— Какой банкомат?! Тебе же кешем выдают в редакции для оплаты съемок!

— М-м-м... ну... ну да... кешем. Вот я и говорю. Мне нужны были деньги, а банкомат меня подставил, и я вынужден был отдать твой кеш, а потом у меня еще была одна заморочка и... одним словом, как-то сложно все было...

— Андрей, ты когда-нибудь научишься ответственно тратить деньги? Мне кажется, тебе нужно выдавать зарплату сразу бухлом, куревом, шмотками и наркотой. Да, и еще купонами на обеды в ресторанах, с четким указанием адреса и даты. А то ты у нас мальчик инфантильный, перепутаешь дни недели и умрешь с голоду.

— Слушай, ты, стерва! — Я начинаю заводиться. — Какого черта ты тут начинаешь мораль читать и учить меня, как тратить деньги? Я без твоих соплей знаю, куда и на что тратить свое бабло, ты лучше с фотами подумай чего делать!

— Мое, Андрюша!

— Не называй меня Андрюшей, ты, игуана в кожаной юбке! Что значит «мое»?

— Мое бабло.

— А... ну... типа да, прости, твое, конечно.

— Бог простит. Или главред. Найдешь бабки, звони. Истерик малолетний.

И она вешает трубку! Представляете? Эта тварь, которая и фотограф-то, признаться, никакой, берет и вешает трубку! И это в то время, когда я стою на краю пропасти и deadline до сдачи номера вполне может оказаться deadline'ом до даты моего увольнения! Подстава с ее стороны полнейшая. Делать нечего, придется занимать деньги и тащиться к ней на другой конец Москвы. Идиотизм. День, так тщательно спланированный, катится ко всем чертям из-за одной алч-

ной неврастенички, вообразившей себя Хербом Ритцем. И все из-за каких-то пары сотен долларов! Что поделаться, мир несовершенен...

Я проверяю почту. Лихорадочно кликаю мышью, стирая спам. С понедельника жду письма от Пашки Алферова, менеджера «Polygram Records», которому еще в прошлую среду отдал наш диск с надеждой на то, что он поможет с контрактом. Шестьдесят писем. *Viagra, Cialis... low prices, Luxury Watches at very low price, Enlarge your penis*, снова *Luxury Watches*, «Сдается помещение в аренду, г. Одесса», еще раз *Cialis*, опять *penis*. Такое впечатление, что это мейл какой-то порнозвезды. Судя по заголовкам, я только и делаю, что трахаюсь, а в перерывах увеличиваю член и покупаю дорогие часы. Да, и еще снимаю помещения в Одессе. Ни одного письма по делу. «Тренинг по тайм-менеджменту» — это что еще за херня такая? *NEW! Nasty schoolgirls at Rastynat.com! Wild and horny babies/cum shot/* — стоп, стоп, это как раз по делу, только сейчас времени нет. Письма от Алферова тоже нет. Реально, я не понимаю его позиции. К нему в руки попала бомба. Абсолютный хит! Новая волна русского гангста-рэпа. Любой продюсер перезвонил бы через десять минут после получения диска. Любой, но только не наши безмозглые лентяи, которые больше недели пребывают в ступоре. Может, уехал? Проверю еще вечером, а завтра позвоню. А сейчас нужно включить голову и подумать, как расписать свои маршруты в связи с незапланированной поездкой к Марине. Да, и еще: где бы денег найти на оплату ее работы? Планы, планы, одни планы в голове...

Я сворачиваю Outlook и захожу в интернет по ссылке www.rastynat.com. Tons of absolutely free porn. Members Area — приветливо мигает баннер...

МАСКВА!

*Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было проблем с шенгенской визой.*

© А. С. Миркин

Утомленный часовым шопингом, совершенно беспонтовым ввиду отсутствия покупок и постоянной ругани с некомпетентными продавцами, сижу на первом этаже ГУМа в «Bosco Cafe», пью порядком остывший латте, рассматриваю посетителей и вдыхаю витающие вокруг ароматы. От торговых рядов пахнет стеллажами с новой одеждой, распродажами и достатком, со стороны Кремля веет кожей, которой обтягивают сиденья представительских лимузинов, кожаными папками и военной формой, в кафе пахнет парфюмом с цитрусовыми нотками, каким-то похотливым ферментом и алкоголем. И надо всем этим доминирует ГЛАВНЫЙ запах. Он везде: у барной стойки, в складках скатертей на столах, в волосах сидящих здесь девушек, в папках меню. Им пахнут официанты, посетители и празднующие гости столицы. Это запах свежееотпечатанных стодолларовых купюр. Здесь повсюду пахнет деньгами! Масква!

В этот час здесь сидят только иностранные менеджеры, одетые преимущественно в голубые рубашки с запонками и костюмы блекло-синих тонов и отшопингованные телочки на содержании. Менеджеры в основном без галстуков, с легким загаром и в очках в тонких металлических оправках. Пиджаки сняты и висят на спинках кресел. Из их уст